

Редакционный совет:

Блажеев Виктор Владимирович – председатель АЮР, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

Степашин Сергей Вадимович – сопредседатель АЮР;

Крашенинников Павел Владимирович – сопредседатель АЮР, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по государственному строительству и законодательству

Главный редактор журнала:

Гриб Владислав Валерьевич – член Президиума АЮР, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

Заместитель главного редактора журнала:

Редькин Игорь Владимирович – член Правления АЮР

Члены Совета:

Александров Алексей Иванович – член Президиума АЮР, член Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству;

Бородин Павел Андреевич – советник по вопросам взаимодействия с органами государственной власти «Альфа-Групп»;

Голиченков Александр Константинович – член Президиума АЮР, декан Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, председатель Московского регионального отделения Ассоциации юристов России;

Дубик Сергей Николаевич – заместитель генерального директора госкорпорации «Роскосмос» по взаимодействию с органами государственной власти;

Иванов Антон Александрович – Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке;

Кропачев Николай Михайлович – член Президиума АЮР, ректор Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Межрегионального отделения АЮР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области;

Лебедев Вячеслав Михайлович – член Президиума АЮР, Председатель Верховного Суда Российской Федерации;

Перевалов Виктор Дмитриевич – член Президиума АЮР, президент Уральского государственного юридического университета;

Пилипенко Юрий Сергеевич – член Президиума АЮР, президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации;

Плигин Владимир Николаевич – член Президиума АЮР;

Ренов Эдуард Николаевич – заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке;

Семянюк Евгений Васильевич – первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации;

Сурков Константин Викторович – член Совета Федерации Российской Федерации;

Торшин Александр Порфирьевич – член Президиума АЮР, статс-секретарь – заместитель председателя Банка России;

Требков Андрей Адамович – председатель Международного союза юристов;

Чайка Юрий Яковлевич – член Президиума АЮР, Генеральный прокурор РФ;

Шарандин Юрий Афанасьевич – председатель Комиссии АЮР по конституционному законодательству и государственному строительству, директор Департамента по связям с гос. органами власти АО «Росгеология»

На региональном и местном уровне зачастую отсутствуют нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы общественного контроля, а также посвященные созданию и деятельности общественных палат низового уровня, что диктует необходимость их дальнейшего совершенствования.

Стр. 10

ЮМ

Следует отметить, что правовым основанием классификации субъектов негосударственного контроля являются основополагающие конституционные установления, связанные с ключевой ролью многонационального народа Российской Федерации в конституционной конструкции государственного управления. При этом в реализации различных видов негосударственного контроля участвует не народ в целом, а его наиболее активные представители — индивиды и их объединения, образующие такой феномен, как гражданское общество.

Стр. 19

ЮМ

С конца 2013 г. резко стали набирать обороты развития и использования так называемые криптовалюты. Самой известной из них является биткойн. Это первая в мире децентрализованная валюта, которая никому не принадлежит. Интересным является тот факт, что биткойн одновременно является и валютой, и платежной системой. Это значит, что в отличие от иных платежных систем здесь не будет посредника, которому необходимо платить комиссию за переводы денег из одного кошелька в другой. Это означает, что нет ни банка, ни счета, ни места, где бы была закреплена официально данная валюта. Поскольку данная валюта ни в одной стране не получила законодательного закрепления, за ней отсутствует контроль.

Стр. 22

ЮМ

Наиболее часто встречающаяся на практике группа договоров направлена на выполнение работ и оказание услуг. При этом законодатель отдельно отмечает в качестве объектов гражданских прав результат работы и оказание услуг, ставя их в один ряд, но обозначая самостоятельность каждого из них. Соответственно, и договоры, направленные на эти объекты, имеют схожее правовое регулирование, но не идентичное.

Стр. 27

ЮМ

За последнее время вопросам соблюдения профессиональной этики государственных служащих в Российском государственном аппарате придается особое значение. В фокусе внимания общества оказывается антикоррупционная политика государства. Это стало особенно важным явлением в условиях изменения международного положения Российской Федерации после 2014 г.

Стр. 44

ЮМ

Конституционное право, муниципальное право

- 6** **Гончаров В.В.** Конституционно-правовой анализ национального уровня организации механизма общественного контроля в России
- 11** **Долгих Ф.И.** Влияние требований к минимальной численности членов политических партий на количество политических партий в России и характер партийной системы
- 16** **Кирьянов А.Ю.** Субъекты негосударственного контроля: правовые основания классификации

Гражданское право, предпринимательское право

- 20** **Ананьева Е.О.** Проблема правового положения электронных денег в Российской Федерации
- 23** **Герасимова О.А.** Выход из общества с ограниченной ответственностью участника, состоящего в браке
- 27** **Захаренко Д.С.** Договоры подряда и возмездного оказания услуг: сравнительно-правовой аспект
- 31** **Курдюков С.И.** Современные угрозы экономической безопасности

35 **Латынин О.А.** Методологические основания дефиниции правоограничений в российском гражданском праве

39 **Рожкова А.Ю.** Проблемы правозащитной деятельности уполномоченным в отношении индивидуального предпринимательства

Юридическая практика

44 **Бондаренко Л.К.** Этика юристов в контексте морали современного общества

49 **Ефремов А.А.** Правовые ограничения цифровизации научной деятельности

54 **Магомедов М.А.** Причины и механизм подмены прокуратурой функций органов государственного контроля

Международный опыт

58 **Маркова Е.Н.** Право врачей на отказ от предоставления медицинских услуг по религиозным соображениям

63 Аннотации и ключевые слова на английском языке

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Использование материалов в других изданиях допускается только
с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Правила оформления статей и иных материалов, направляемых для опубликования в журналах Издательской группы «ЮРИСТ»

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски сквозные, в конце статьи, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. К рассмотрению не принимаются материалы, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления рукописи в несколько изданий в дальнейшем материалы автора не будут приниматься к рассмотрению.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на произведение заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»». Статьи и другие материалы, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

4. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- а) название статьи на русском и английском языках;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, должность, место работы, ученая степень, ученое звание на русском и английском языках;
- в) аннотацию к статье на русском и английском языках;
- г) ключевые слова из текста статьи на русском и английском языках;
- е) служебный адрес либо адрес электронной почты для опубликования в журнале.

Кроме того, автор представляет только на русском языке пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, представляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

5. Статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем/консультантом.

6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

7. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

8. После проверки подписанный автором электронный вариант статьи и сопроводительные документы представляются в редакцию по e-mail: avtor@lawinfo.ru.

По вопросам опубликования статей просим обращаться в авторский отдел Издательской группы «Юрист».
Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

№ 2 (266) / 2019

Учредители:

Издательская группа «Юрист»,
Ассоциация юристов России

Главный редактор журнала «Юридический мир»:
Гриб В.В.

Заместитель главного редактора журнала «Юридический мир»:
Редькин И.В.

Редакционная коллегия журнала «Юридический мир»:
Егорова М.А., Манылов И.Е.,
Пискунов Я.Б., Ситдикова Л.Б.

Редакция:
Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

Верстка:
Калинина Е.С.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А.

Центр редакционной подписки:
Тел.: (495) 617-18-88.
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Фото обложки и материалов номера: Фотобанк Лори.

Адрес редакции / издательства:
115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
<http://www.lawinfo.ru>

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Подписной индекс по каталогам:
Объединенный каталог. Почта России – 91915.
Свидетельство о регистрации в качестве СМИ:
ПИ № ФС77-56628 от 26 декабря 2013 г.
Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону. К опубликованию принимаются материалы, прошедшие проверку в системе «Антиплагиат» и содержащие не менее 75% авторского текста.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».
Адрес типографии: 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Вниманию наших авторов!
Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс».

ISSN 1811-1475. Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ. печ. л. – 9,0. Усл. печ. л. – 9,0. Тираж 5000 экз.
Цена свободная.
Номер подписан в печать: 06.02.2019.
Дата выхода в свет: 27.02.2019.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Editorial Board:

Blazheev Viktor V., Chairman of the Association of Russian Lawyers, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Stepashin Sergei V., Co-Chairman of the Association of Russian Lawyers;

Krashennikov Pavel V., Co-Chairman of the Association of Russian Lawyers, Chairman of the State Duma Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation on State-Building and Legislation;

Editor in Chief of the journal:

Grib Vladislav V., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, Vice President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation

Deputy Editor in Chief of the journal:

Red'kin Igor V., Member of the Board of the Association of Russian Lawyers

Members of the Board:

Alexandrov Alexey I., member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, member of the Committee of the Federation Council on the Constitutional Legislation and State Construction;

Borodin Pavel A., Advisor for Interaction with Public Authorities of Alfa Group;

Golichenkov Alexander K., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, Dean of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Chairman of the Moscow Regional Office of the Association of Russian Lawyers;

Dubik Sergey N., Deputy Director General for Interaction with Public Authorities of the State Space Corporation Roscosmos;

Ivanov Anton A., Retired Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation;

Kropachev Nikolai M., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, Rector of the Saint Petersburg State University, Head of the Interregional Office of the Association of Russian Lawyers in St.Petersburg and the Leningrad Region;

Lebedev Vyacheslav M., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation;

Perevalov Victor D., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, President of the Ural State Law University;

Pilipenko Yury S., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation;

Pligin Vladimir N., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers;

Renov Eduard N., Retired Deputy Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation;

Semenyako Evgeny V., First Vice-President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation;

Surkov Konstantin V., Member of the Federation Council of the Russian Federation;

Torshin Alexander P., Member of the Presidium of the Association of Russian Lawyers, State Secretary – Deputy Chairman of the Bank of Russia;

Trebkov Andrey A., Chairman of the International Union of Lawyers;

Chaika Yuri Ya., member of Presidium of Association of lawyers of Russia, Prosecutor General of the Russian Federation;

Sharandin Yuri A., Chairman of the Commission of the Association of Russian Lawyers on Constitutional Legislation and State-Building, Director of the Department for Relations with State Authorities of JSC «Rosgeology».

Publisher:

Jurist Publishing Group, Association of Lawyers of Russia

Chief Editor of Juridical World journal:

Grib V.V.

Deputy Editor in Chief of Juridical World journal:

Red'kin I.V.

Editorial Staff of Juridical World journal:

Egorova M.A., Manylov I.E., Piskunov Ya.B., Sitdikova L.B.

Editions:

Lapteva E.A., Platonova O.F.

Layout:

Kalinina E.S.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:

Tel. (495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Photos of the cover and the issue are provided with Lori Photobank.

Editorial Office's Address / Publishing house:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

<http://www.lawinfo.ru>

The journal is included in the database Russian science citation index

eLIBRARY.RU

Subscription:

United catalogue. Russian Post – 91915.

Certificate of Registration as the Mass Media:

PI No. FS77-56628 of 26.12.2013.

Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage.

Complete or partial reproduction of materials without prior written permission of authors of articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law.

For publication are accepted materials, authenticated in the system of the same name, and containing not less than 75% of the author's text.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Tel.: (4842) 70-03-37.

248031, Kaluga, street Svetlaya, 2.

To the attention of our authors!

Some materials of the journal shall be put on ConsultantPlus reference legal system.

ISSN 1811-1475. Size 60x90/8.

Offset printing. Printer's sheet – 9,0.

Conventional printed sheet – 9,0.

Circulation 5000 copies.

Free market price.

Passed for printing: 06.02.2019.

Date of publication: 27.02.2019.

Monthly information and analytical, general law journal.
Founders: Association of Lawyers of Russia; Jurist Publishing Group

Constitutional law, municipal law

- 6** **Goncharov V.V.** A Constitutional Law Analysis of the National Level of Arrangement of the Public Control Mechanism in Russia
- 11** **Dolgikh F.I.** The Influence of Requirements for the Minimum Number of Political Party Members on the Number of Political Parties in Russia and the Party System Structure
- 16** **Kiryanov A.Yu.** Non-State Control Subjects: Legal Bases of Classification

Civil law, entrepreneurial law

- 20** **Ananyeva E.O.** The Issue of the Legal Position of E-Money in the Russian Federation
- 23** **Gerasimova O.A.** Withdrawal of a Married Member from a Limited Liability Company
- 27** **Zakharenko D.S.** Contractor and Paid Service Agreements: A Comparative Law Aspect
- 31** **Kurdyukov S.I.** Modern Threats to Economic Security

35 **Latynin O.A.** Methodological Bases of Definition of Limitation of Rights in the Russian Civil Law

39 **Rozhkova A.Yu.** Issues of Law Enforcement Activities of an Authorized Person in Respect of an Individual Enterprise

Legal practice

44 **Bondarenko L.K.** Ethics of Lawyers within the Framework of Morality of the Modern Society

49 **Efremov A.A.** Legal Limitations of Digitization of Scientific Activities

54 **Magomedov M.A.** Reasons and Mechanism of Substitution of State Control Authorities with the Prosecutor's Office

International experience

58 **Markova E.N.** The Doctors' Right to Refuse from Medical Service Rendering on Religious Grounds

63 Abstracts of articles and keywords in English

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

The use of the materials in other publications shall be permitted subject to written authorizations of the editorial board. The reference to the journal is mandatory.

Конституционно-правовой анализ национального уровня организации механизма общественного контроля в России

Национальное российское законодательство, составляющее основу конституционно-правовой организации механизма общественного контроля в России, представлено Конституцией, а также федеральными, региональными и муниципальными нормативно-правовыми актами, которые условно можно классифицировать на следующие подгруппы: 1) регулирующие правовой статус федеральных, региональных и местных органов власти; 2) регулирующие вопросы общественного контроля при формировании органов публичной власти всех уровней; 3) регулирующие вопросы общественного контроля в целом; 4) регулирующие вопросы отдельных аспектов общественного контроля власти (например, экологического общественного контроля, общественный контроль за местами лишения свободы); 5) регулирующие вопросы участия некоммерческих организаций в общественном контроле (в частности, профсоюзных, природоохранных); 6) регулирующие вопросы общественного контроля за органами и организациями, осуществляющими полномочия, делегированные органами публичной власти в соответствии с действующим законодательством.

Конституция Российской Федерации не содержит определения понятия общественного кон-

Гончаров Виталий Викторович,
исполнительный директор
Юридической консалтинговой
корпорации
«Ассоциация независимых
правозащитников»,
кандидат юридических наук
niiipgergo2009@mail.ru

Goncharov Vitaliy V.
Executive Director of the Law
Consulting Corporation Association
of Independent Rights Advocates
Candidate of Legal Sciences

троля, но установила, в частности, что: носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, который осуществляет ее непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления (ч. 1 и 2 ст. 3); в России признается идеологическое разнообразие (ч. 1 ст. 13); граждане России вправе объединяться и создавать общественные объединения как разновидность юридических лиц (ч. 4 ст. 13); граждане страны имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ст. 32) и обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33)¹.

При этом право народа на осуществление народовластия и уча-

стие в управлении государственными делами основной закон страны ничем не ограничивает, в то время как посягательства любых органов власти и их должностных лиц на принадлежащую народу власть, делегируемую избираемым органам государственной власти и местного самоуправления, преследуются по закону, вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

В числе нормативно-правовых актов, регулирующих правовой статус федеральных, региональных и местных органов власти, можно выделить, например, Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ, который не содержит детального правового регулирования общественного контроля в стране, но в гл. 6 закрепляет формы государственного (внутреннего) контроля за деятельностью Правительства России², что позволяет народу осуществлять опосредованный общественный контроль данной ветви власти.

В свою очередь, Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» закрепляет формы участия народа в отправлении правосудия, а также его контроля за органами судебной власти. Например, в ст. 8 предусматривается возможность участия граждан России в осуществлении правосудия в порядке, предусмо-

¹См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 19 декабря. ■ ²См.: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.

тренном федеральным законом, в том числе и в виде присяжных и арбитражных заседателей, а в ст. 9 — гласность в деятельности судов³.

Данные нормы существенно минимизируют коррупционную составляющую в организации и деятельности органов судебной власти и позволяют обществу в режиме реального времени реагировать на избрание мер уголовной ответственности по наиболее тяжким преступлениям, предусмотренным Уголовным кодексом Российской Федерации.

Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ, в свою очередь, предусматривает в ст. 3.1 ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации в случае принятия нормативных правовых актов, противоречащих действующему законодательству и повлекших за собой массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина⁴. Данная форма политической ответственности региональных органов государственной власти выступает в роли дополнительной гарантии права народа на осуществление общественного контроля власти.

В свою очередь, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 ок-

тября 2003 г. № 131-ФЗ в ряде своих статей предусматривает обширные права граждан России на осуществление местного самоуправления и контроль за его органами, например голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования (ст. 24)⁵.

Таким образом, следует отметить, что федеральное законодательство, регулирующее вопросы местного самоуправления, содержит более репрезентативные формы прямого общественного контроля за органами местного самоуправления и их должностными лицами по сравнению с аналогичным контролем федеральных и региональных органов государственной власти.

В числе нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы общественного контроля при формировании органов власти, следует выделить, например, федеральные законы «О выборах Президента Российской Федерации» от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ, «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ, предусмотревшие участие в избирательной кампании общественных наблюдателей и наблюдателей от политических партий. Аналогичные формы участия граждан в избирательном процес-

се предусмотрены на региональном и муниципальном уровнях. Кроме того, представители политических партий и общественных движений входят в состав избирательных комиссий всех уровней (от участковых до Центральной избирательной комиссии Российской Федерации) в качестве их членов с совещательным и решающим голосом.

В числе нормативно-правовых актов, регулирующих общие вопросы общественного контроля в России, следует выделить федеральные законы «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ, «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ, которые содержат наиболее полную правовую регламентацию системы общественного контроля в России.

Они создают в соответствии со ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации, с одной стороны, правовую основу для осуществления общественного контроля в нашей стране на федеральном уровне, а с другой стороны, определяют пределы правового регулирования общественного контроля нормативно-правовыми актами на уровне регионов и муниципальных образований.

На уровне субъекта Российской Федерации, например Краснодарского края, вопросы общественного контроля урегулированы соответствующими региональными законами Краснодарского края⁶.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1. ■ ⁴ См.: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005. ■ ⁵ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822. ■ ⁶ См.: Закон Краснодарского края от 25 декабря 2015 г. № 3305-КЗ «Об общественном контроле в Краснодарском крае». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/krasnodar/690617> (дата обращения: 01.11.2018); Закон Краснодарского края от 3 марта 2017 г. № 3575-КЗ «Об Общественной палате Краснодарского края и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Краснодарского края». URL: <https://admkrain.krasnodar.ru> (дата обращения: 01.11.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

Данные нормативно-правовые акты приняты на основании федерального законодательства и посвящены формированию и функционированию системы общественного контроля на уровне региона.

Важное значение в организации общественного контроля власти на уровне субъектов Российской Федерации играют общественные советы при региональных органах исполнительной власти (далее — РОИВ). Так, Е.Г. Дьякова отмечает, что анализ положений об РОИВ в Уральском федеральном округе на 1 апреля 2016 г. показал, что основной акцент в них делался на «обеспечении и оптимизации взаимодействия с гражданским обществом, общественными объединениями / гражданами (такие пункты имеются в положениях 66,6% общественных советов); экспертизе общественно-значимых нормативно-правовых актов (51,9%); информировании граждан о деятельности органов власти, при которых создан общественный совет (45,5%); выдвижении, обсуждении, обобщении и поддержке гражданских инициатив (31,4%); повышении открытости и прозрачности деятельности РОИВ (21,7%)»⁷. Таким образом, на уровне регионов процессы организации и осуществления общественного контроля предполагают широкое задействование институтов гражданского общества, включая общественные и религиозные организации и движения, а также политические партии.

На уровне муниципальных образований вопросам общего регу-

лирования общественного контроля власти посвящены муниципальные нормативно-правовые акты. В частности, муниципальные общественные палаты играют роль информационной площадки, на которой могут быть озвучены результаты мероприятий, проводимых в рамках общественного контроля иными субъектами общественно-го контроля.

Справедливо отмечает ряд авторов: «Закон об основах общественного контроля установил систему общественного контроля в России по уровням власти (федеральный, региональный, муниципальный) и отраслевому признаку. Первый вид осуществляется общественными палатами по территориальному признаку, а второй — общественными советами при конкретном органе власти. Однако законодатель фактически создал ситуацию, при которой сегодня во многих муниципальных образованиях не существует механизмов для организации общественного контроля»⁸. Исправление данной ситуации требует доработки федерального законодательства в части закрепления обязанности муниципальных образований по созданию на территории муниципалитетов системы общественного контроля.

Это обстоятельство поддерживает, в частности, Д.С. Михеев, который отмечает, что «правовая природа местного самоуправления как формы осуществления власти народом диктует требование о создании системы открытого незави-

симого общественного контроля, который должен осуществляться населением»⁹.

Однако эффективность системы общественного контроля на муниципальном уровне осложняется тем, что во многих муниципальных образованиях, как правило, отсутствуют нормативно-правовые акты, посвященные общему правовому регулированию системы общественного контроля. Анализ нормативно-правовой базы на уровне муниципальных образований в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах показал на 1 января 2018 г., что в более 80% муниципальных образований общественные палаты отсутствуют¹⁰. Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что региональные органы государственной власти не стимулируют создание органов общественного контроля на уровне муниципальных образований, а с другой стороны, об отсутствии денежных средств в муниципальных бюджетах, которые, как правило, носят дотационный характер, на финансирование и поддержку данных субъектов общественного контроля.

В числе нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы отдельных аспектов общественного контроля власти в Российской Федерации (например, экологического общественного контроля, общественный контроль за местами лишения свободы), можно выделить, в частности, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (далее — Закон № 7-ФЗ) (преду-

⁷ Дьякова Е.Г. Общественные советы при органах исполнительной власти субъектов Федерации: как выполняется функция общественного контроля // Дискурс-Пи. 2016. № 2 (23). С. 30–31. ■ ⁸ См.: Михеева Т.Н., Белоусов Е.И. Общественный контроль на муниципальном уровне: анализ новелл законодательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2 (34). С. 180. ■ ⁹ См.: Михеев Д.С. Обеспечение общественного контроля — ключевое направление в развитии принципа гласности местного самоуправления // Lex Russica. 2015. Т. 101. № 4. С. 31. ■ ¹⁰ См. подробнее: Батаев А.С. Организация общественного контроля в Российской Федерации на уровне муниципальных образований (на примере Южного и Северо-Кавказского федеральных округов). Грозный, 2018. С. 30–31.

смотревший в ст. 68 общественный контроль в области охраны окружающей среды (общественный экологический контроль)¹¹; Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ¹², регулирующий механизм контроля общества над местами лишения свободы и принудительного содержания.

Кроме того, анализ судебной практики, проведенный рядом авторов, показывает возрастающую роль общественных объединений и организаций, осуществляющих общественный контроль, в иницировании судебного разбирательства по рассмотрению вопросов нарушения природоохранного и экологического законодательства, осуществляемого как органами государственной власти и местного самоуправления, так и частными хозяйствующими субъектами¹³.

На уровне субъекта Российской Федерации (например, Краснодарского края) отдельным аспектам общественного контроля власти посвящены законы Краснодарского края от 7 декабря 2010 г. № 2124-КЗ «Об экологическом мониторинге на территории Краснодарского края» (далее — Закон № 2124-КЗ), от 23 июля 2003 г. № 608-КЗ «Об административных правонарушениях».

Так, Закон № 2124-КЗ предусмотрел право граждан и их объ-

единений на осуществление общественного контроля в области экологического мониторинга¹⁴. Данный региональный закон убедительно доказывает возможность организации и осуществления общественного контроля в отдельных областях государственного управления на уровне субъектов Российской Федерации путем объединения усилий общественных организаций и объединений, отдельных граждан для проведения мероприятий общественного контроля.

В числе нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы участия некоммерческих организаций в общественном контроле (профсоюзных, природоохранных), можно выделить: Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ (далее — Закон № 10-ФЗ); Закон № 7-ФЗ; Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (далее — Закон № 95-ФЗ).

Так, Закон № 10-ФЗ закрепляет достаточно широкую систему прав профессиональных союзов на осуществление общественного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов работников, а также деятельностью любых работодателей¹⁵. При этом, законодатель гарантирует права профсоюзов на осуществление деятельности по общественному контролю целым рядом обязанностей работодателей по созданию условий для осуществления деятельности профсоюзов.

В свою очередь, Закон № 95-ФЗ предоставляет широкие полномочия политическим партиям в России по осуществлению широкомасштабного общественного контроля, в том числе путем участия в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления; участия в выборах и референдумах; использования государственных и муниципальных средств массовой информации, в том числе и на безвозмездной основе; свободного распространения информации о своей деятельности и т.д.¹⁶ При этом политические партии в соответствии с действующим законодательством выведены из числа объектов общественного контроля, но обладают значительными возможностями (а парламентские партии — в том числе и финансовыми средствами) для поддержки субъектов общественного контроля любого уровня.

В числе нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы общественного контроля за юридическими и физическими лицами, осуществляющими полномочия, делегированные органами публичной власти в соответствии с действующим законодательством, можно выделить, например, Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего со-

¹¹ См.: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

■ ¹² См.: Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СЗ РФ. 2008. № 4. Ст. 2789. ■ ¹³ См. подробнее, например: Воронцова О.В. Общественный экологический контроль: отдельные вопросы судебной практики // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2016. № 21. С. 103–109. ■ ¹⁴ См.: Закон Краснодарского края от 7 декабря 2010 г. № 2124-КЗ «Об экологическом мониторинге на территории Краснодарского края» // Кубанские новости. 2010. № 218. 13 декабря. ■ ¹⁵ См.: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

■ ¹⁶ См.: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

циально-экономического развития в Российской Федерации»¹⁷.

Таким образом, федеральное, региональное и муниципальное законодательство образует единое правовое поле, способствующее организации и осуществлению общественного контроля в различ-

ных областях государственного и муниципального управления, а также в части соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, а также их объединений.

Однако на региональном и местном уровне зачастую отсутст-

вуют нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы общественного контроля, а также посвященные созданию и деятельности общественных палат низового уровня, что диктует необходимость их дальнейшего совершенствования. [ЮМ](#)

Литература

1. Батаев А.С. Организация общественного контроля в Российской Федерации на уровне муниципальных образований (на примере Южного и Северо-Кавказского федеральных округов) / А.С. Батаев. Грозный, 2018. 176 с.
2. Воронцова О.В. Общественный экологический контроль: отдельные вопросы судебной практики / О.В. Воронцова // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2016. № 21. С. 103–109.
3. Дьякова Е.Г. Общественные советы при органах исполнительной власти субъектов Федерации: как выполняется функция общественного контроля / Е.Г. Дьякова // Дискурс-Пи. 2016. № 2 (23). С. 30–31.
4. Михеев Д.С. Обеспечение общественного контроля — ключевое направление в развитии принципа гласности местного самоуправления / Д.С. Михеев // Lex Russica. 2015. Т. 101. № 4. С. 24–32.
5. Михеева Т.Н. Общественный контроль на муниципальном уровне: анализ новелл законодательства / Т.Н. Михеева, Е.И. Белоусов // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2 (34). С. 177–182.

¹⁷ См. подробнее, в частности: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть 1). Ст. 26.

**При возникновении вопросов,
связанных с оформлением материалов,
просим обращаться в редакцию
по телефону: (495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru
Адрес редакции:
115035, г. Москва,
Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7**

Влияние требований к минимальной численности членов политических партий на количество политических партий в России и характер партийной системы

Актуальность исследования деятельности политических партий обусловлена их местом и ролью в жизни общества. От того, насколько эффективно политические партии выполняют свои функции, во многом зависит состояние гражданского общества.

Политические партии, выступая инструментом, с помощью которого граждане участвуют в формировании органов государственной власти и тем самым становясь одним из значимых субъектов политических отношений, в то же время являются одновременно и объектом государственной политики. Так как государство, устанавливая правовые рамки функционирования политических партий, тем самым оказывает влияние на их численность, положение в политической системе общества.

В научной литературе проблема закрепления в законе требований к минимальной численности членов политических партий нашла отражение в работах Т.П. Виоградова, В.В. Лапаевой¹, А.Г. Румянцева², В.В. Комаровой³, Э.В. Алимова⁴

Долгих Федор Игоревич,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
Московского
финансово-промышленного
университета «Синергия»,
кандидат исторических наук, доцент
fdolgh@synergy.ru

Dolgikh Fedor I.
Head of the Department
of Theory and History of State
and Law of the Moscow University
for Industry and Finance Synergy
Candidate of Historical Sciences
Associate Professor

и др. Причем критике подвергались изменения в законодательстве, направленные на установление как высокого порога минимальной численности членов партий⁵, так и максимально низкого⁶.

Гипотеза о зависимости числа политических партий в стране от требований к численности их членов ранее уже обозначалась в ряде исследований, в частности в работах А.Г. Румянцева⁷, В.В. Комаровой⁸. В рамках настоящего исследования ее достоверность подтверждается на основе анализа

статистических данных о количестве зарегистрированных и регистрируемых за год политических партий.

После принятия в 2001 г. Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее — Федеральный закон «О политических партиях») правовой статус политических партий стал иметь существенные отличия от правового статуса иных общественных объединений. Политические партии стали единственным их видом, имеющим право принимать участие в выборах в органы государственной власти. В течение двух лет со дня вступления в силу названного закона помимо политических партий право участвовать в выборах сохраняли и иные политические общественные объединения, и этот двухлетний срок им был отведен для возможности осуществления перерегистрации. Попытка признать недействительными регистрацию и перерегистрацию всех политических партий, действующих на территории Российской Федерации, не увенчалась успехом⁹.

¹ Лапаева В.В. Закон о политических партиях: в чем суть альтернативных подходов // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 11–18. ■ ² Румянцев А.Г. Много партий хороших и разных?.. Анализ изменений российского Закона «О политических партиях» с точки зрения экономической теории демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6. С. 57–75. ■ ³ Комарова В.В. Политические партии в современной России (проблемы институционализации) // Проблемы права. 2014. № 2. С. 9–15. ■ ⁴ Алимов Э.В. Партийное строительство в Российской Федерации: некоторые тенденции конституционно-правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 27–36. ■ ⁵ Комарова В.В. Указ. соч. С. 9; Положенцева Н.Ю. Элементы концепции «государственного вмешательства» в деятельность политических партий // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 31; Саликов М.С. Партийная система России: динамика конституционно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 152. ■ ⁶ Виоградов Т.П. Некоторые проблемы разработки законодательных решений в сфере партийного строительства в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 9. С. 48; Саликов М.С. Указ. соч. ■ ⁷ Румянцев А.Г. Указ. соч. С. 73. ■ ⁸ Комарова В.В. Политические партии в современной России (проблемы институционализации) // Проблемы права. 2014. № 2. С. 9–10. ■ ⁹ Определение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2002 г. № ГКПИ2002-1398; Определение Верховного Суда РФ от 11 марта 2003 г. № КА03-71 // СПС «КонсультантПлюс».

По данным на 1 января 1999 г., из 141 зарегистрированного политического общественного объединения политическими партиями являлись только 44¹⁰.

Из 44 политических партий, обладавших правом принимать участие в выборах депутатов Государственной Думы четвертого созыва (декабрь 2003 г.), 6 были зарегистрированы в октябре — декабре 2001 г., 37 — в 2002 г., и 1 — в 2003 г.¹¹ На 1 января 2004 г. в Российской Федерации число зарегистрированных политических партий составило 47 (табл. 1).

В 2001 г. Федеральным законом «О политических партиях» было установлено требование к минимальной численности членов политической партии в количестве 10 тысяч человек, а требование к минимальной численности членов региональных отделений более чем в половине субъектов РФ — в количестве 100 человек. В дека-

бре 2004 г. данные требования возросли сразу в пять раз — до 50 тысяч и 500 человек соответственно.

Результатом изменений стало резкое сокращение количества зарегистрированных партий, в том числе путем принудительной ликвидации ряда из них¹³, и только за один 2007 г. количество сократилось с 35 до 16, а весной 2009 г. — до 7. Также произошло сокращение числа создаваемых и регистрируемых политических партий — с 7 в 2003 г. до 1 в 2004, 2005 и 2009 гг. (табл. 1). В периоды же с 2006 по 2008 г. и с 2010 по 2011 г. не было зарегистрировано ни одной новой политической партии.

В апреле 2012 г. были снижены требования к минимальной численности членов политической партии и исключены из закона требования, предъявляемые к минимальной численности членов ее региональных отделений, что позволило «говорить о неко-

торой либерализации партийного законодательства»¹⁴. С этого момента начался стремительный рост числа политических партий, наблюдавшийся до января 2014 г., когда их количество достигло 76. 2012 и 2013 гг. стали рекордными по числу созданных и прошедших государственную регистрацию политических партий — 47 и 28 соответственно (табл. 1). Затем произошло резкое снижение темпов регистрации новых партий — до 3 в 2016 г. В результате с начала 2014 г. по начало 2017 г. численность зарегистрированных политических партий стабилизировалась, колеблясь в пределах 76–77. Процесс создания новых партий шел параллельно с процессом прекращения деятельности отдельных недавно зарегистрированных. С начала 2017 г. наблюдается тенденция постепенного снижения числа политических партий (табл. 1).

Таблица 1

Количество зарегистрированных политических партий¹²

Год	Количество зарегистрированных политических партий (данные на 1 января каждого года)	Количество политических партий, зарегистрированных за предыдущий год
2004	47	7
2005	43	1
2006	38	1
2007	35	0
2008	16	0
2009	13	0
2010	7	1
2011	7	0
2012	7	0
2013	54	47
2014	76	28
2015	76	8
2016	77	5
2017	77	3
2018	70	1

¹⁰ Заславский С.Е. Политические партии России: проблемы правовой институционализации. М. : Институт права и публичной политики, 2003. С. 71. ■ ¹¹ Список политических партий, обладавших правом принимать участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва. URL: https://gd2003.cikrf.ru/list_34/sx/SelectMode/none/branch_brn/1340712/gas_doc_obj/41766493.html ■ ¹² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru> ■ ¹³ Долгих Ф.И. Правовые аспекты создания, государственной регистрации и ликвидации политических партий в России : монография. М. : Юрист, 2016. С. 194. ■ ¹⁴ Гриб В.В. Управление институтами гражданского общества в России // Российский судья. 2010. № 3. С. 30.

Анализ результатов выборов в Государственную Думу показывает, что с момента принятия Федерального закона «О политических партиях» наибольшее количество избирательных объединений, принимавших участие в выборах, было в 2003 г., наименьшее — в 2011 г. Наблюдавшееся с 2003 по 2011 г. снижение числа политических партий, участвующих в выборах, обусловлено ужесточением требований, предъявляемым к их численности, а произошедшее в 2016 г. двукратное по сравнению с предыдущими выборами увеличение числа участников — либерализацией партийного законодательства. В то же время количество избирательных объединений, преодолевших избирательный барьер и получивших право на участие в распределении мест по федеральному избирательному округу, по итогам последних четырех выборов в Государственную Думу всегда оставалось стабильным (табл. 2).

Ужесточение требований, предъявляемых к численности политических партий (в 2004 г.), приводило к сокращению числа действующих и числа вновь создаваемых партий, а зачастую — и к полному прекращению появления новых партий. Резкий рост числа по-

литических партий в 2012–2013 гг. был обусловлен снижением требований, предъявляемых к их минимальной численности. В то же время для того, чтобы указанные требования повлияли на количество политических партий, изменения должны носить не количественный, а качественный характер.

Требования к минимальной численности партий в первую очередь влияют на количество зарегистрированных партий, но в меньшей мере — на характер партийной системы. По мнению А.С. Автономова, «партийная система представляет собой некую целостность, образуемую деятельностью всех (конкурирующих и сотрудничающих между собой) партий данной страны, которая характеризуется, во-первых, общим количеством партий, во-вторых, условиями, в которых они действуют, и, в-третьих, реальными возможностями, имеющимися у каких-либо партий для того, чтобы стать правящей (правящими), т.е. сформировать правительство»¹⁵. Поэтому при определении характера следует учитывать в первую очередь «не номинальное количество существующих в стране партий, а их релевантность, т.е. способность оказывать влияние

на политическую жизнь в стране»¹⁶. Так, в США только на федеральном уровне существуют почти 40 политических партий и почти столько же — на уровне штатов¹⁷. В Великобритании зарегистрированы 349 партий, не включая Северную Ирландию, в которой отдельно зарегистрированы еще 32 партии¹⁸. Тем не менее в обеих странах реальным влиянием на политическую систему общества обладают лишь две партии.

Существуют различные подходы к классификации партийных систем. Дж. Сартори выделяет 7 партийных систем: однопартийную, гегемонистскую, систему с доминирующей партией, двухпартийную, ограниченного плюрализма, крайнего плюрализма, атомизированную¹⁹. В соответствии с классификацией Ж. Блонделя партийные системы в западных демократиях подразделяются на двухпартийные, двух-с-половиной-партийные, многопартийные с доминирующей партией и многопартийные без доминирующей партии²⁰. А.С. Автономов подразделяет партийные системы на многопартийные, многопартийные с одной доминирующей партией, двухпартийные, двухблоковые, двух-с-половиной-партийные и однопартийные²¹.

Таблица 2

Количество политических партий, участвующих в выборах депутатов Государственной Думы

	2003	2007	2011	2016
Количество избирательных объединений, участвующих в выборах (включая блоки)	23	11	7	14
Количество избирательных объединений (включая блоки), преодолевших избирательный барьер и получивших право на участие в распределении мест по федеральному избирательному округу	4	4	4	4

¹⁵ Автономов А.С. Партии и партийные системы в России и в мире: история и современность // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 8. С. 36. ■ ¹⁶ Макаренко Б.И., Локшин И.М., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Петров Н.В. Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 46. ■ ¹⁷ Долгих Ф.И. Микропожертвования как источник финансирования политических партий — российские реалии и опыт США // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2. С. 96. ■ ¹⁸ URL: <https://search.electoralcommission.org.uk/Search/Registrations?currentPage=2&rows=30&sort=RegulatedEntityName&order=asc&open=filter&et=pp&et=ppm®ister=gb®Status=registered&optCols=EntityTypeStatusName> ■ ¹⁹ Сартори Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа // Теория партий и партийных систем: хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 240. ■ ²⁰ Блондель Ж. Партийные системы и примеры правительств в западных демократиях // Теория партий и партийных систем: хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 323. ²¹ Автономов А.С. Указ соч.

Исходя из классификаций Ж. Блонделя и А.С. Автономова, опираясь на результаты выборов депутатов Государственной Думы 2003, 2007, 2011 и 2016 гг., в ходе которых «Единая Россия» получала 37,56%, 64,30%, 49,31%, 54,20% голосов избирателей соответственно²², можно прийти к выводу, что в России начала XXI в. сложилась многопартийная система с доминирующей партией. Помимо нее более или менее заметное влияние оказывают еще три партии, постоянно представленные отдельными фракциями в Государственной Думе, — КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Что касается вновь созданных начиная с 2012 г. партий, то ни одна из них не смогла преодолеть на выборах пятипроцентный барьер, чтобы провести список своих кандидатов в Государственную Думу, и даже трехпроцентный, чтобы получить право на государственное финансирование. Более того, по итогам

выборов депутатов Государственной Думы 2016 г. партия «Яблоко» — одна из 7 партий, которые сохраняли регистрацию в 2009–2011 гг., получила менее 2% голосов избирателей, утратив таким образом право на получение средств из федерального бюджета.

Не лучше для большинства политических партий обстоит ситуация и с выборами в региональные законодательные собрания. На выборах депутатов законодательных органов субъектов РФ 2017 г. во всех 6 субъектах, где проводились данные выборы, представительство получила только «Единая Россия», и КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» — в 5 субъектах, приняв участие в распределении мест как по единым избирательным округам, так и по одномандатным. Из остальных партий лишь одна приняла участие в распределении мест по единому избирательному округу и одна прове-

ла кандидата по одномандатному округу²³.

Таким образом, существует зависимость между требованиями, предъявляемыми к численности политических партий, и количеством зарегистрированных политических партий. Но увеличение количества зарегистрированных партий не приводит к росту числа партий, реально влияющих на политическую систему. Об этом в первую очередь свидетельствует такой показатель, как количество политических партий, получивших право на распределение мест по федеральному избирательному округу. По итогам 4 последних выборов в Государственную Думу он остался неизменным. Отсюда можно сделать вывод о том, что увеличение числа зарегистрированных начиная с 2012 г. политических партий не оказало существенного влияния на характер сложившейся в России партийной системы. [ЮМ](#)

Литература

1. Автономов А.С. Партии и партийные системы в России и в мире: история и современность / А.С. Автономов // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 8. С. 31–39.
2. Алимов Э.В. Партийное строительство в Российской Федерации: некоторые тенденции конституционно-правового регулирования / Э.В. Алимов // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 27–36.
3. Блондель Ж. Партийные системы и примеры правительств в западных демократиях / Ж. Блондель // Теория партий и партийных систем : хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. М. : Аспект Пресс, 2008. С. 323–330.
4. Виноградов Т.П. Некоторые проблемы разработки законодательных решений в сфере партийного строительства в Российской Федерации / Т.П. Виноградов // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 9. С. 46–50.
5. Гриб В.В. Управление институтами гражданского общества в России / В.В. Гриб // Российский судья. 2010. № 3. С. 28–33.
6. Долгих Ф.И. Микропожертвования как источник финансирования политических партий — российские реалии и опыт США / Ф.И. Долгих // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2. С. 92–105.
7. Долгих Ф.И. Правовые аспекты создания, государственной регистрации и ликвидации политических партий в России : монография / Ф.И. Долгих. М. : Юрист, 2016. 248 с.
8. Заславский С.Е. Политические партии России: проблемы правовой институционализации / С.Е. Заславский. М. : Институт права и публичной политики, 2003. 299 с.
9. Комарова В.В. Политические партии в современной России (проблемы институционализации) / В.В. Комарова // Проблемы права. 2014. № 2. С. 9–15.
10. Лапаева В.В. Закон о политических партиях: в чем суть альтернативных подходов / В.В. Лапаева // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 11–18.
11. Макаренко Б.И. Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко, И.М. Локшин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк [и др.]. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 303 с.

²² Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <https://cikrf.ru> ²³ Региональные выборы: партийная динамика. Информационно-аналитический бюллетень. Выпуск четырнадцатый / под общ. ред. Е.А. Шевченко. М., 2017. С. 98.

12. Положенцева Н.Ю. Элементы концепции «государственного вмешательства» в деятельность политических партий / Н.Ю. Положенцева // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 30–33.
13. Региональные выборы: партийная динамика. Информационно-аналитический бюллетень. Выпуск четырнадцатый / под общ. ред. Е.А. Шевченко. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2017. 158 с.
14. Румянцев А.Г. Много партий хороших и разных?.. Анализ изменений российского Закона «О политических партиях» с точки зрения экономической теории демократии / А.Г. Румянцев // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6. С. 57–75.
15. Саликов М.С. Партийная система России: динамика конституционно-правового регулирования / М.С. Саликов // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 148–156.
16. Сартори Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа / Дж. Сартори // Теория партий и партийных систем : хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. М. : Аспект Пресс, 2008. С. 240–243.

Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект «Юридический мир с приложением» на первое полугодие 2019 года

Уважаемые читатели!

Мы предлагаем Вам стать подписчиком комплекта изданий «Юридический мир с приложением». В комплект входят журналы:

- Гражданское право;
- Предпринимательское право;
- Юридический мир;
- Юрист.

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7

Телефон: 8(495) 617-18-88

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Субъекты негосударственного контроля: правовые основания классификации

Негосударственный контроль как определенная форма реализации правового контроля имеет конституционно-правовую природу. Осуществление негосударственного контроля связано в первую очередь с вполне определенными категориями субъектов его реализации, основным критерием которых являются независимость от органов государственной власти, государственных органов, прямое соотношение и взаимодействие на основе гражданской самоорганизации и управления. Особо значимым фактором, объединяющим субъекты негосударственного контроля, являются их прямое соотношение с субъектом конституционного права — народом, а также общее отношение к гражданскому обществу как к обобщающей субъектности представителей народа, реализующих свои конституционные права и несущих свои конституционные обязанности. Здесь следует особо отметить и выделить сложную публично правовую природу органов местного самоуправления, которые из представленного определения выделяются.

Учитывая, что родовым конституционно-правовым субъектом негосударственного контроля является народ, мы будем исходить из того, что данный субъект является конституционно-обозначенной категорией, выделенной в ст. 3 Кон-

Кирьянов Артем Юрьевич,
председатель Российского союза
налогоплательщиков,
член-корреспондент
Российской академии
естественных наук (РАЕН),
член Общественной Палаты
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
akiryarov@mail.ru

Kiryarov Artem Yu.
Chairman of the Russian
Taxpayer Union
Corresponding Member
of the Russian Academy of Natural
Sciences (RANS)
Member of the Public Chamber
of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences

ституции Российской Федерации и аксиоматичной¹. Здесь следует согласиться частично с позицией, которая подразумевает, что субъектами конституционно-правовых отношений являются преимущественно субъекты, поименованные в конституционных актах², вместе с тем необходимо указать и на то, что в силу правовой природы субъектности народа народ олицетворяет не просто масса населения, а вполне определенные индивиды и их объединения, воплощающие в целом гражданское общество.

Как отмечал О.Е. Кутафин, правосубъектность народа коренится в его суверенитете и учредительном характере народовластия, которое является реальностью об-

щественно-политического бытия российского общества и конкретизируется в положениях Конституции Российской Федерации, касающихся основы конституционного строя правового статуса личности³. В этом конституционно-правовом смысле прослеживаются традиционные две формы осуществления власти — прямая (выборы и референдумы) и опосредованная (через органы государственной власти и органы местного самоуправления). Но не только эти две формы являются единственными для реализации народовластия. Представляется, что народ как субъект конституционно-правовых отношений может быть рассмотрен и с точки зрения того, а кто конкретно народ представляет в общественных отношениях, здесь возникает множество аспектов, в том числе аспект индивидуализации субъекта.

Особенно важным этот вопрос встает при исследовании феномена негосударственного контроля, так как при описании его конституционно-правовой природы указывалось на то, что в его основе лежит принцип народовластия. Предполагаем, следует констатировать, что активная и ответственная часть народа в лице индивидов и их объединений формирует и активного субъекта общественных отношений, обобщенно выражающегося в феномене «гражданское общество». Таким образом, са-

¹ Хотя следует отметить, что в доктрине конституционного и государственного права в различные периоды все же высказывались мнения о том, что народ сам по себе не является субъектом конституционного права. См., например: Кабышев В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 36–41.

² См., например: Конституционное право России / под ред. А.С. Прудникова, В.И. Авсеенко. М.: Юнити-Дана, 2006. С. 16.

³ Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 1: Предмет конституционного права. М.: Проспект, 2011. С. 319.

мо народовластие реализуется как перманентный принцип реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина и несения ими обязанностей.

Гражданское общество находится в партнерской взаимосвязи с государством; в современной постклассической картине сосуществования индивида, общества и государства гражданское общество является актором⁴, субъектом взаимоотношений народа и государства.

По мнению некоторых исследователей, становление и развитие гражданского общества являются непрерывным, бесконечным процессом, в котором одновременно развиваются все стороны общественных отношений (гражданин, общество, государство), в связи с этим закрепление в конституционно-правовых нормах основ гражданского общества позволяет юридически обеспечить независимость общества от государства, «предусмотреть и гарантии от незаконного вмешательства последнего в дела общества, установить границы и пределы государственного воздействия на общественные отношения»⁵. Подобная позиция подтверждает ключевой тезис в исследовании негосударственного контроля, а именно индивид и его объединения формируют гражданское общество, общество в целом представляется отождествляемой с народом категорией, но именно гражданское общество и его институты посредством активного воздействия на государство и его органы, публичные образо-

вания являются одними из основных субъектов негосударственного контроля.

Итак, из обозначенного выделяется один из основных субъектов негосударственного контроля — гражданское общество. Возникает закономерный вопрос: кто в составе гражданского общества является непосредственным субъектом реализации права в сфере негосударственного контроля? Здесь следует подразделить гражданское общество на две категории субъектов негосударственного контроля: индивидуальные и коллективные.

К индивидуальным субъектам негосударственного контроля следует отнести индивида — человека и гражданина⁶, обладающих конституционными правами и обязанностями. Основным видом негосударственного контроля, который будут данный субъект реализовывать, будет гражданский контроль. К индивидуальным субъектам негосударственного контроля могут быть отнесены и представители профессиональных сообществ, реализующих негосударственный контроль в силу их правового статуса, например адвокаты, нотариусы, а также индивидуальные представители гражданского общества, выступающие в качестве общественных представителей.

К коллективным субъектам негосударственного контроля будут относиться различные объединения граждан: общественные объединения, общественные палаты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, общественные советы при органах государ-

ственной власти и государственных органов, профессиональные сообщества (адвокатура, нотариат, саморегулируемые организации, средства массовой информации).

К отдельным субъектам негосударственного контроля следует отнести субъекты, реализующие муниципальный контроль и формы непосредственного осуществления местного самоуправления — органы местного самоуправления и население муниципальных образований.

Обращаясь к анализу положений основного закона Российской Федерации, следует указать на косвенные правовые установления и механизмы, которые определяют сущность негосударственного контроля. Именно прямые и косвенные (интерпретируемые) положения конституционного текста позволяют дать конституционно-правовое определение субъектов негосударственного контроля. Под субъектами негосударственного контроля следует понимать участников общественных отношений, реализующих свои конституционные права и несущих конституционные обязанности, связанные с реализацией принципа народовластия и осуществляющих контрольные функции в отношении государства, его органов и всей общественной сферы.

Конституционно-правовые предпосылки реализации негосударственного контроля определяют поведение субъектов негосударственного контроля. С точки зрения содержания рассматриваемых общественных отношений

⁴ О проблематике субъекта права, использования термина «актор» в правовой науке см. подробнее: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПУ : Алеф-Пресс, 2012. С. 386–405. ■ ⁵ Конституционное право России. С. 136. ■ ⁶ Правосубъектность физических лиц в конституционном праве будет характеризоваться общими чертами, свойственными ей во всех отраслях права. Однако объем правосубъектности будет иметь и специальные факторы: возраст, состояние здоровья и принадлежность к российскому гражданству. См.: Кутафин О.Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 1: Предмет конституционного права. М. : Проспект, 2011. С. 325.

негосударственный контроль не только является односторонним механизмом воздействия на государство и его органы, но и является механизмом воздействия на само общество. основополагающее значение негосударственного контроля заключается в том, что он несет в себе эволюционный механизм саморегуляции в обществе. То есть речь идет о том, что эволюционная стадия общественных отношений на современном этапе предполагает, что запрос общества на контрольные функции со стороны именно государства снижается и замещается элементами негосударственного контроля.

Субъекты негосударственного контроля, осуществляя его основные функции, реализуют собственные конституционные права и несут конституционные обязанности не просто в контексте удовлетворения частных интересов, а во взаимообуславливающем контексте баланса публичных и частных интересов. Например, гражданин, реализующий свое право на обращение в рамках ст. 33 Конституции Российской Федерации, реализует его в двух аспектах: частном — решает собственные задачи и осуществляет контроль реализации его собственных прав, публичном — осуществляет контролирующее воздействие на публичную власть, истребуя от власти соблюдения законоположений в отношении неопределенного круга лиц. Или иным характерным примером является реализация конституционных прав гражданином в экологической сфере. Согласно ст. 68

Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об охране окружающей среды» общественный контроль в области охраны окружающей среды (общественный экологический контроль) осуществляется общественными объединениями и иными некоммерческими организациями, а также гражданами в соответствии с законодательством, при этом указанный контроль осуществляется в целях реализации права каждого на благоприятную окружающую среду и предотвращения нарушения законодательства в области охраны окружающей среды. Следовательно, гражданин, отстаивающий свои экологические права, отстаивает и права каждого, так как понятным и очевидным видится смысл права на благоприятную экологическую обстановку для каждого человека.

Негосударственный контроль нацелен на повышение эффективности социальной регуляции, на взаимовыгодное функционирование человека, общества и государства. В этом смысле объектом негосударственного контроля является вся публичная сфера общественных отношений: как отношений, складывающихся по поводу взаимодействия государства и общества, так и по поводу взаимодействия различных элементов в самом обществе. В отношении общества и государства негосударственный контроль будет осуществляться в рамках воздействия общества на государство и его органы, а также контроля за соблюдением государственными и смежными с ним структурами правовых

норм. В отношении элементов внутри общества негосударственный контроль будет направлен также на соблюдение правовых норм, по сути, негосударственный контроль выступает и механизмом самоконтроля общества, указывающим на то, что государственные механизмы воздействия будут применяться лишь в той степени и в той мере, в какой обществу потребуются принудительная сила государства и контролирование последним неблагоприятного воздействия на правонарушителей⁷.

Онтологические основания права предполагают таковым само общество. Правовая сфера не обладает абсолютной самостоятельностью по отношению к социальному целому, она не существует вне общества, поэтому и характеристика общества определяет и само содержание права. Следует указать и на то, что право на уровне непосредственной данности выступает в качестве определенного типа массового поведения, отличаясь от остальных видов поведения тем, что обеспечивает целостность всего общества⁸. Влияние элементов социального на правовое регулирование подразумевает, что сами конституционные правоотношения, складывающиеся между их субъектами, порождают необходимость включения всех элементов общества (от индивида до государства) в систему контроля за публичной сферой. Абсолютно недостаточным и даже опасным в современном мире видится возложение на государство тотальной контрольной функции в социальной среде. Достаточно убедитель-

⁷ Следует отметить, что в современных обществах и эта функция, реализуемая государством, начинает подменяться непосредственным воздействием общества и его требованиями. Репутационные издержки для индивидов или их объединений становятся выше, чем издержки от привлечения их к ответственности со стороны государства. Ярким примером подобной тенденции являются многочисленные публичные случаи общественного осуждения определенных лиц и последствия, связанные с таким осуждением. ■ ⁸ См.: Сидоров С.А., Честнов И.Л. Гражданское общество, государство и право: онтологические основания юридической науки. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2002. С. 55.

но доказано, что без общего взаимодействия в правовой сфере всех элементов социального невозможно функционирование правового демократического государства, как и невозможна реализация основного базового свойства права — свободы.

В связи с этим интересным представляется то, что в российской конституционной истории были попытки напрямую в конституционном тексте указать на взаимную ответственность государства и гражданина. Так, в одном из проектов конституционных актов в 1993 г. содержалась статья, в которой закреплялось, что «гражданин и государство связаны взаимными правами и взаимной ответственностью», а «органы государства и должностные лица обязаны обеспечивать и защищать права и свободу граждан, поощрять общественную правозащитную деятельность»⁹.

Следует указать и на то, что вопрос соотношения прав и обя-

занностей уже длительное время урегулирован и на уровне международных актов по правам и свободам человека. В частности, ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. закрепляет, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности»¹⁰. Очевидно, не только государство обязано воздействовать на общество и следить за соблюдением законодательства, но и общество должно участвовать в данного рода деятельности. Так, А.С. Автономов писал о том, что государство обязано следить за претворением формулы «свобода каждого человека ограничена свободой других людей», чтобы сохранить баланс между соблюдением прав и свобод каждого человека и гарантиями обществу от злоупотребления этими правами и свободами¹¹. Но данный тезис представляется неполным, так как возложение только на государство

подобной обязанности означало бы усечение роли самого общества и индивида в контрольных отношениях, а следовательно, и немало с него обязанности, которые проистекают из смысла конституционных установлений и его роли в управлении государством, механизме всей социальной регуляции.

В заключение следует отметить, что правовым основанием классификации субъектов негосударственного контроля являются основополагающие конституционные установления, связанные с ключевой ролью многонационального народа Российской Федерации в конституционной конструкции государственного управления. При этом в реализации различных видов негосударственного контроля участвует не народ в целом, а его наиболее активные представители — индивиды и их объединения, образующие такой феномен, как гражданское общество. [ЮМ](#)

Литература

1. Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность / А.С. Автономов. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2009. 448 с.
2. История Конституции России : хрестоматия / под ред. Р.А. Ромашова. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2010. 572 с.
3. Кабышев В.Т. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве / В.Т. Кабышев, О.О. Миронов // Правоведение. 1969. № 4. С. 36–41.
4. Конституционное право России / под ред. А.С. Прудникова, В.И. Авсеенко. М. : Юнити-Дана, 2006. 687 с.
5. Кутафин О.Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 1: Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. М. : Проспект, 2011. 448 с.
6. Сидоров С.А. Гражданское общество, государство и право: онтологические основания юридической науки / С.А. Сидоров, И.Л. Честнов. СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2002. 224 с.
7. Честнов И.Л. Постклассическая теория права / И.Л. Честнов. СПб. : Алет-Пресс, 2012. 649 с.

⁹ История Конституции России : хрестоматия / под ред. Р.А. Ромашова. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2010. С. 473. ■ ¹⁰ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс». ■ ¹¹ Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2009. С. 60.

Проблема правового положения электронных денег в Российской Федерации

Динамически развивающаяся глобальная информационная система, а также средства электронной связи внесли в нашу жизнь довольно новое явление в экономике — электронные платежные системы и электронные деньги. Различные информационные системы, браузеры, представители услуг сотовой связи и интернет-связи предлагают потребителям достаточно большой перечень ресурсов для оплаты нужд безналичным расчетом, например Яндекс. Деньги, Qiwi Кошелек и т.п. В связи с этим возникает необходимость правового регулирования данного института, что особенно ярко прослеживается на фоне активного использования населением подобных средств платежа, а соответственно, и рисков утраты владельцами своих финансовых ресурсов.

Понятие «электронные деньги» закреплено в Федеральном законе Российской Федерации «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (далее — Федеральный закон «О национальной платежной системе») и характеризуется как «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств

Ананьева Екатерина Олеговна,
доцент Института Академии ФСИН
России по кафедре
гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук
a.e.o.77@yandex.ru

Ananyeva Ekaterina O.
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure
of the Institute of the Academy
of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences

без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа»¹.

Проблемы определения правового положения электронных средств платежа начинаются с того, что указания о них отсутствуют в нормах гражданского законодательства. Так, в ст. 141 ГК РФ указано, что в Российской Федерации внутренней валютой, а также основным средством платежа — деньгами является рубль, платеж по которому осуществляется в наличной и безналичной формах. На основании нормы ст. 861 ГК РФ безналичные расчеты осуществляются толь-

ко через банковские счета². В связи с этим встает вопрос, к чему отнести электронные денежные средства, поскольку электронные деньги находятся в пограничной зоне: с экономической точки зрения и согласно Федеральному закону «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (далее — Федеральный закон «О национальной платежной системе») они безналичные, а с точки зрения ГК РФ они не могут быть отнесены к безналичным средствам, поскольку отсутствует банковский счет.

Кроме того, некоторые ученые-юристы, в частности Е.С. Щербаков, В.Н. Чернышев, обращают внимание на то, что «электронные деньги конституционно не закреплены, и имеющееся в настоящий момент правовое регулирование электронных денег расходится с нормами Конституции Российской Федерации»³. Так, в частности, в ст. 75 Конституции Российской Федерации устанавливается, что денежная эмиссия осуществляется исключительно Банком России, введение и эмиссия других денежных средств не допускаются. Следовательно, электронные деньги также должны соответствовать указанным критериям. Но тем не менее в государстве функционируют субъекты, выпускающие электронные деньги, помимо Центробанка. Это операторы элек-

¹ Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.09.2018) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872. ■ ² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть 1) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. ■ ³ Щербаков Е.С., Чернышев В.Н. Конституционно-правовые основы регулирования отношений по обращению электронных денег // Вопросы современной науки и практики. 2014. № 49. С. 129.

тронных денежных средств, правовой статус которых закреплен в ст. 7 Федерального закона «О национальной платежной системе». Для того чтобы урегулировать данное противоречие, необходимо внести поправки либо в соответствующий федеральный закон, либо в Конституцию Российской Федерации.

Следующей проблемой является отсутствие в гражданском законодательстве договора, на основании которого осуществляется деятельность, связанная с передачей электронных денежных средств. На основании Федерального закона «О национальной платежной системе» можно выделить стороны такого договора, а именно «лицо, предоставившее денежные средства» и «обязанное лицо». Однако ввиду отсутствия конкретного перечня прав и обязанностей с каждой стороны возникают вопросы в области применения сторонами своих прав и обязанностей.

Как следствие можно наблюдать, что из-за отсутствия четкого законодательного регулирования, определенного круга участников и разграничения их прав, обязанностей и ответственности, а также наличия глобальной составляющей данных операций аккумулируется еще одна проблема — проблема подсудности в случае возникновения спора вследствие неисполнения обязанностей или нарушения прав одной из сторон. Так, операции через коммерческие интернет-сайты и системы электронных платежей могут совершаться глобально, вне границ какого-то одного государства, поэтому защита прав сторон не всегда возможна

в судебном порядке. Точно так же не существует какого-либо единого органа, выполняющего регулирующие и контролирующие функции. Таким образом, лица, постоянно использующие различные системы электронных платежей, не регулируемых законодательством России, не защищены от возможных потерь своих платежных средств. Следовательно, при обращении за судебной защитой своих нарушенных прав, да и при использовании иных видов их защиты, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, они могут иметь серьезные затруднения.

Выше мы рассмотрели уже привычные для простого населения виды и способы электронных платежей и электронных денег. Однако с конца 2013 г. резко стали набирать обороты развития и использования так называемые криптовалюты. Самой известной из них является биткойн. Это первая в мире децентрализованная валюта, которая никому не принадлежит. Ей можно оплачивать покупки. Данные электронные деньги существуют только в сети, однако их можно обменивать на более привычные нам средства — евро, доллары, рубли и др. Интересным является тот факт, что биткойн одновременно является и валютой, и платежной системой. Это значит, что в отличие от иных платежных систем здесь не будет посредника, которому необходимо платить комиссию за переводы денег из одного кошелька в другой. Это означает, что нет ни банка, ни счета, ни места, где бы была закреплена официально данная валюта. Поскольку данная валюта ни в одной стране не получила за-

конодательного закрепления, за ней отсутствует контроль. Кроме того, она закрепляет анонимность платежей. А сильные колебания ее курса стоимости отпугивают многих желающих от ее приобретения. Биткойны ни чем не обеспечены.

В случае если ваша криптовалюта не будет приниматься к оплате либо вообще исчезнет со счета, то предъявить претензии будет не к кому. Произойдет простое обнуление. В случае с иными денежными единицами (евро, доллар) требования по оплате будут предъявляться к конкретной стране и обеспечиваться ее золотовалютными резервами.

Появление криптовалют в России Министерство финансов считает равносильно появлению денежных суррогатов, а они запрещены ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁴. Однако запрещая биткойн, Минфин не запретил криптовалютную технологию, на основе которой работает данная система.

В заключение стоит отметить, что законодатель предпринял ряд попыток с целью правового урегулирования электронных денежных средств. В настоящее время в связи с развитием информационных технологий, которые активно внедряются в экономическую сферу жизни государства и общества, от законодателя требуется еще более тщательный подход к устранению недостатков в данной сфере деятельности, в том числе путем совершенствования норм Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, обозначившиеся новации и проблемы финансово-банковских видов деятель-

⁴ Ревенков П. В. Электронные деньги: источники рисков при использовании в противоправных целях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 01. С. 169.

ности в настоящее время требуют разработки гражданско-правовых норм, которые должны быть прежде всего реализованы в четком

законодательном определении понятий «электронные денежные средства» и «правовое положение электронных денежных средств»,

которые станут элементами регулирования развивающихся новых видов гражданских правоотношений. [ЮМ](#)

Литература

1. Ревенков П.В. Электронные деньги: источники рисков при использовании в противоправных целях / П.В. Ревенков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 01. С. 164–175.
2. Щербаков Е.С. Конституционно-правовые основы регулирования отношений по обращению электронных денег / Е.С. Щербаков, В.Н. Чернышов // Вопросы современной науки и практики, 2014. № 49. С. 128–131.

Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

Выход из общества с ограниченной ответственностью участника, состоящего в браке

В соответствии с п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО, общество), приобретенные за счет общих доходов супругов, являются их общим имуществом¹. Супруг, на имя которого в период брака приобретена доля, становится участником общества, и, как следствие, именно у этого супруга возникают корпоративные права и обязанности, связанные с участием в этом обществе.

Одним из таких прав является право на выход из общества путем отчуждения своей доли обществу, если такая возможность предусмотрена уставом общества (п. 1 ст. 8, ст. 26 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»²). Выход участника осуществляется на основании заявления, которое в соответствии с п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в редакции, действующей с 1 января 2016 г., должно быть нотариально удостоверено.

А поскольку в соответствии с п. 3 ст. 35 СК РФ для заключения одним из супругов сделки, для которой законом установлена обя-

**Герасимова
Оксана Александровна,**
аспирант кафедры
гражданского права
Сибирского федерального
университета,
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Красноярского государственного
аграрного университета
ogerasimova@list.ru

Gerasimova Oksana A.
Postgraduate Student
of the Department of Civil Law
of the Siberian Federal University
Senior Lecturer of the Department
of Civil Law and Procedure
of the Krasnoyarsk State
Agrarian University

зательная нотариальная форма, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга, возникает вопрос о необходимости получения такого согласия супруга, не являющегося участником, на выход супруга-участника из общества. Ответ на данный вопрос зависит от ответа на вопросы о том, является ли заявление о выходе участника из ООО сделкой по распоряжению общим имуществом супругов и распространяются ли на такое заявление правила об обязательности нотариального удостоверения согласия супруга на заключение сделок, подлежащих нотариальному удостоверению в силу закона.

Из п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» следует, что если право участника на выход предусмотрено уставом, то оно может быть реализовано участником независимо от согласия других участников или общества. Выход участника из ООО осуществляется на основании его заявления, которое подается обществу, и в день его получения обществом доля переходит к обществу, а у общества возникает обязанность по выплате действительной стоимости доли. Отсюда следует, что подача заявления о выходе из общества влечет совокупность правовых последствий: прекращение у участника права на долю с момента получения обществом его заявления о выходе, соответственно, прекращение участия в ООО и возникновение обязанности у общества. Переход доли к обществу означает прекращение корпоративных прав и обязанностей, вытекающих из участия в обществе. Участник общества, подающий заявление о выходе, выражает свое волеизъявление, направленное именно на такие последствия. Получается, что для прекращения участия достаточно волеизъявления только участника, подавшего заявление о выходе. С момента получения обществом такого заявления имуществом право на долю и корпоративные

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

■ ² Федеральный закон Российской Федерации «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

права и обязанности участника как правообладателя этой доли прекращаются автоматически, а у бывшего участника есть только право требования к обществу выплатить действительную стоимость доли. Следовательно, заявление участника о выходе из общества является односторонней сделкой. Именно такой точки зрения придерживаются ученые³. Суды также квалифицируют заявление участника о выходе в качестве сделки⁴.

Право на выход из ООО является корпоративным правом участника. Но является ли заявление супруга о выходе из ООО сделкой по распоряжению общим имуществом супругов?

С.Ю. Чашкова квалифицирует заявление участника о выходе из ООО в качестве односторонней сделки, но при этом полагает, что оно не является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов и реализация права на выход участника из общества не зависит от его пребывания в браке, поскольку это право относится к праву участия, а «общим имуществом супругов является доля в ООО лишь в значении «имущественного права»», следовательно, по ее мнению, «при реализации супругом-участником корпоративных прав («права участия»), являющихся его личными правами, он действует абсолютно автономно от другого су-

пруга»⁵. Подобная позиция отражена и в некоторых судебных актах. Так, например, Арбитражный суд Нижегородской области счел несостоятельными доводы истца о нарушении ее прав как супруги при выходе из состава участников, так как права участника возникают из личного его участия в обществе и регламентированы нормами корпоративного, а не семейного права, у другого супруга может возникнуть только имущественное право на часть действительной стоимости доли, подлежащей выплате при выходе из состава участников⁶.

Следует согласиться с утверждением о разграничении понятий «имущественное право на долю» и «корпоративные права». Однако вывод С.Ю. Чашковой об абсолютной независимости супруга — участника ООО от другого супруга при реализации права на выход из общества представляется спорным.

Особенность доли в уставном капитале ООО как объекта гражданских прав проявляется, в частности, в том, что участник общества имеет одновременно «право на долю» (как на имущество) и «права из доли» (совокупность корпоративных прав имущественного и неимущественного характера, предусмотренных законодательством и уставом ООО).

Имущественные права на долю принадлежат обоим супругам, а корпоративные права имеет только тот супруг, который является участником общества.

Безусловно, право на выход — это право, возникающее в связи с участием в обществе («право из доли»). Но необходимо учитывать, что в соответствии с п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» выход участника из ООО осуществляется путем отчуждения обществу доли в уставном капитале. Отчуждение имущества, в том числе и доли в уставном капитале ООО, означает переход прав на это имущество в полном объеме другому лицу.

Реализовывая право на выход, являющееся корпоративным правом, участник одновременно отчуждает права на долю в уставном капитале. Выход участника из ООО, по своей сути, является отчуждением доли в уставном капитале, а отчуждение доли является одним из способов распоряжения ею. То есть доля в уставном капитале выбывает из состава общего имущества супругов в результате действий супруга — участника общества, а это, безусловно, является распоряжением общим имуществом. Поэтому представляется логичным вывод о том, что заявление о выходе супруга из общества

³ См., например: Бабаев А.Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов // Сделки: проблемы теории и практики : сборник статей. М. : Статут, 2008. С. 135 ; Фатхутдинов Р.С. Уступка доли в уставном капитале ООО: теория и практика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 94 ; Филиппова С.Ю. Право на выход из общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2013. № 10. С. 89 ; Поваров Ю.С. Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // Власть закона. 2015. № 4. С. 97–98. ■ ⁴ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2016 г. по делу № А40-117162/2012 ; Постановление Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 г. по делу № А33-18938/2011 ; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 сентября 2018 г. по делу № А83-2299/2016 ; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 февраля 2017 г. по делу № А17-5966/2015 ; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 октября 2017 г. по делу № А56-55879/2016 ; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2017 г. по делу № А46-1404/2017 // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁵ Чашкова С.Ю. К вопросу об отграничении имущественных прав супругов от их корпоративных прав // Актуальные вопросы применения семейного и гражданского законодательства в нотариальной практике : сборник статей. М. : Фонд развития правовой культуры, 2017. С. 18–19, 24. ■ ⁶ Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 24 октября 2017 г. по делу № А43-20380/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

является односторонней сделкой по распоряжению общим имуществом супругов.

Следовательно, толкование п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», предусматривающего нотариальное удостоверение заявления о выходе, во взаимосвязи с п. 3 ст. 35 СК РФ, предусматривающего необходимость получения нотариально удостоверенного согласия супруга для заключения сделки, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма, приводит к выводу о необходимости получения нотариального согласия супруга на выход супруга-участника из ООО.

Подтверждение такого вывода можно найти и в судебной практике. Например, Арбитражный суд г. Москвы в Решении от 28 ноября 2016 г. по делу № А40-145417/2016 указал, что с 1 января 2016 г. при нотариальном удостоверении заявления участника общества о его выходе из общества нотариусом проверяется наличие нотариально удостоверенного согласия другого супруга на совершение данной сделки⁷.

Однако нотариальное согласие супруга на выход супруга — участника ООО из общества требуется не только в силу того, что заявление о выходе подлежит нотариальному удостоверению. В соответствии с п. 1, 2 ст. 8¹ Гражданского кодекса Российской Федерации в случаях, предусмотренных законом, права, закрепляющие принадлежность объекта гражданских прав определенному лицу, подле-

жат государственной регистрации, и возникают эти права с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом⁸. Из п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» следует, что правила ст. 8¹ Гражданского кодекса Российской Федерации о государственной регистрации прав на имущество применяются и к регистрации прав на долю в уставном капитале ООО в Едином государственном реестре юридических лиц⁹. А п. 3 ст. 35 СК РФ предусматривает обязательность нотариально удостоверенного согласия супруга не только при заключении сделки, для которой обязательно нотариальное удостоверение, но и при заключении сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации. Следовательно, нотариально удостоверенное согласие супруга на выход другого супруга из ООО необходимо также и в силу того, что права на долю в уставном капитале подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц.

Общество с ограниченной ответственностью в течение трех месяцев (или иной срок, предусмотренный уставом) со дня получения от участника заявления о выходе обязано выплатить действительную стоимость его до-

ли в уставном капитале (п. 6¹ ст. 23 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Если общество не исполняет эту обязанность, а супруг, вышедший из ООО, не предпринимает мер по ее взысканию, нарушаются интересы другого супруга, так как денежная сумма, выплаченная в счет действительной стоимости доли в уставном капитале, поступает в общую собственность супругов.

Но супруг, который не являлся участником общества, не имеет права требовать от общества выплаты действительной стоимости доли. Такое право принадлежит только супругу, являвшемуся участником, а у общества есть соответствующая обязанность только перед этим супругом как бывшим участником. Также невозможно предъявление требования о разделе общего имущества в виде имущественного права на долю, так как право на долю перешло к обществу с момента получения им заявления участника о выходе. Но супруг, не являвшийся участником общества, может в такой ситуации защитить свое право путем предъявления иска к супругу, который являлся участником, о разделе имущественного права — права требования выплаты действительной стоимости доли, а после такого раздела он может предъявить требование к ООО выплатить причитающуюся ему в соответствии с решением суда долю действительной стоимости доли в уставном капитале. ЮМ

⁷ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28 ноября 2016 г. по делу № А40-145417/2016 // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. ■ ⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Литература

1. Бабаев А.Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов / А.Б. Бабаев // Сделки: проблемы теории и практики : сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2008. 476 с.
2. Поваров Ю.С. Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения / Ю.С. Поваров // Власть закона. 2015. № 4. С. 97–98.
3. Фатхутдинов Р.С. Уступка доли в уставном капитале ООО: теория и практика / Р.С. Фатхутдинов. М. : Волтерс Клувер, 2009. 170 с.
4. Филиппова С.Ю. Право на выход из общества с ограниченной ответственностью / С.Ю. Филиппова // Хозяйство и право. 2013. № 10. С. 85–89.
5. Чашкова С.Ю. К вопросу об отграничении имущественных прав супругов от их корпоративных прав / С.Ю. Чашкова // Актуальные вопросы применения семейного и гражданского законодательства в нотариальной практике : сб. ст. М. : Фонд развития правовой культуры, 2017. С. 18–24.

Уважаемые авторы, вы можете в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в Издательскую группу «Юрист».

Для этого необходимо направить с вашего электронного адреса, который вы указывали в качестве контактного e-mail, письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и других знаков. И через 30 минут ваш запрос будет обработан и на почту поступит информация о статьях.

Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции. Автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

Договоры подряда и возмездного оказания услуг: сравнительно-правовой аспект

В практической деятельности важно сделать корректный выбор в пользу конструкции договора, которая удовлетворила бы потребности обоих контрагентов. Такой выбор определит правовое регулирование договорных взаимоотношений сторон, в том числе и при квалификации договора судом в случае возникновения спора.

Наиболее часто встречающаяся на практике группа договоров направлена на выполнение работ и оказание услуг. При этом законодатель отдельно отмечает в качестве объектов гражданских прав результат работы и оказание услуг, ставя их в один ряд, но обозначая самостоятельность каждого из них (ст. 128 Гражданского кодекса РФ, далее — ГК РФ). Соответственно, и договоры, направленные на эти объекты, имеют схожее правовое регулирование, но не идентичное (ст. 783, п. 2 ст. 779 ГК РФ).

Договор подряда имеет самостоятельные квалифицирующие признаки, отличные от договора возмездного оказания услуг. Основное различие кроется как раз в разграничении понятий «работа» и «услуга». Несмотря на то, что в последние годы заметна тенденция к сближению указанных договоров¹ в силу диспозитивности большинства договорных норм

Захаренко Диана Сергеевна,
доцент кафедры
гражданского права
Кубанского государственного
университета (КубГУ),
кандидат юридических наук
diator@inbox.ru

Zakharenko Diana S.
Associate Professor
of the Department of Civil Law
of the Kuban State University (KubSU)
Candidate of Legal Sciences

(абз. 3 п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»², тем не менее выбор в пользу той или иной конструкции повлияет на определение существенных условий договора, порядок оплаты, одностороннее расторжение и т.д.

При разрешении споров суды в обязательном порядке квалифицируют договор по имеющимся признакам, и зачастую исход дела полностью зависит от присвоенной квалификации. Например, в судебной практике нет единой позиции относительно того, к какому виду договора относить договор на создание интернет-сайта, поскольку возникает много оценочных моментов, которые необходимо учитывать исходя из конкретных обстоятельств дела³.

Авторы отмечают, что «в то же время в ряде случаев квалифицирующие признаки некоторых поименованных договоров в законе либо вовсе не обозначены, либо намечены в самых общих чертах. Например, закон не уточняет содержание понятий «работы» и «услуги» и их различие, в то время как эти понятия являются ключевыми квалифицирующими признаками двух поименованных договорных типов: договора подряда и договора возмездного оказания услуг»⁴.

Многие цивилисты, как классики, так и современные авторы, поднимали вопрос о разграничении этих двух понятий. Предложено несколько критериев, которых придерживается большинство авторов.

В отношении работы авторы отмечают наличие вещественного (материального) результата деятельности подрядчика⁵. В этом состоит отличие от услуги. Достижение результата при оказании услуги может не быть, однако требуется максимальное приложение усилий⁶. То есть, например, парикмахер красит клиенту седые волосы, прилагает максимум усилий, но не гарантирует, что седина закрасится. Кроме того, авторы отмечают, что полезный эффект услуги потребляется в процессе ее оказания. Практическая значимость та-

¹ Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 2 / под ред. С.А. Степанова. М., 2016. С. 191. ■ ² Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5. ■ ³ Ключникова М., Фазлыева А. Квалификация договора на веб-сайт // ЭЖ-Юрист. 2016. № 15. ■ ⁴ Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. ■ ⁵ Прибытков И.Г. Теоретические аспекты категории услуг в гражданском праве // Современное право. 2017. № 2. С. 56 ; Попова А.К. Услуга (оказание услуг) как объект гражданских прав // Юридический мир. 2016. № 8. С. 32–35. ■ ⁶ Гражданское право / под ред. С.А. Степанова. С. 192.

кого критерия означает, что если есть овеществленный результат, то его необходимо принимать, соглашаться с его качеством либо указывать подрядчику на недостатки и т.д. В отношении услуги это, соответственно, невозможно, поскольку исполнитель приложил максимум усилий, услуга заказчиком уже потреблена.

Судебная практика также исходит из наличия материального результата у работы (например, подп. «в» п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17⁷). На отсутствие материального выражения услуги указывает и Налоговый кодекс РФ (п. 4, 5 ст. 38). Имеется достаточно обширная судебная практика, в которой суды отмечают, что ценность услуги состоит непосредственно в самих действиях (деятельности) исполнителя. Результат же имеет скорее побочный эффект⁸.

Некоторые авторы делают упор не на овещественность результата работы, а на то, что в работе объект воздействия изначально носит вещественный характер⁹. На основании такого утверждения предлагается относить именно к категории услуг договор об оказании услуг телефонной связи, поскольку объектом воздействия выступают телекоммуникационные сигналы, которые невещественны по своей сути¹⁰.

Тем не менее нельзя рассматривать данный критерий как одно-

значный. В отношении услуг можно приводить различные примеры, когда можно обозначить какой-то материально выраженный итог после оказания услуги. Например, это нанесение актеру грим на лицо, вставка протеза доктором и т.д. Авторы обращают внимание на то, что результат от оказания услуги формируется в виде эффекта, отличающегося от материального результата тем, что он не может быть возвращен исполнителю, на него не может быть обращено взыскание, он не может быть использован в качестве факта¹¹.

Это утверждение перекликается со следующим критерием разграничения работы и услуги — отделимость результата от деятельности исполнителя¹². При этом когда мы говорим об отделимости, так или иначе мы приходим к вопросу материальности того или иного результата. Чтобы понять, какая часть работ по ремонту дороги была выполнена, мы изучаем, какое материальное воздействие было указано на конкретный участок дороги. Например, выровнен уровень асфальта — от отделимости в физическом смысле говорить трудно, но однозначно заметно материальное воздействие. Также при оказании ряда услуг исполнитель передает заказчику некоторые вполне отделимые от его деятельности объекты¹³. Например, при оказании юридической или консультативной услуги могут появляться различные веществен-

ные элементы, которые необходимы в процессе работы — документы и их проекты. Но в данном случае авторы отмечают, что самостоятельным объектом прав такие элементы стать не могут, т.е. не могут быть вещью (товаром)¹⁴. Таким образом, подчеркивается тесная связь услуги и исполнителя. Подтверждением изложенному является и п. 2 ст. 167 ГК РФ, согласно которому при двусторонней реституции, предусматривающей возвращение сторон в первоначальное положение, и когда невозможно вернуть полученное в натуре, сторона, которой была оказана услуга по недействительной сделке, обязана возместить другой стороне ее стоимость в деньгах, а не вернуть услугу обратно¹⁵.

Еще один предлагаемый цивилистами критерий состоит в том, что при выполнении работы главное значение для заказчика имеет результат работы, при оказании услуги — сама деятельность исполнителя. Например, нам важно при оказании услуг массажиста, каким маслом увлажняется кожа, на какие точки идет воздействие и т.п. А при выполнении работы заказчик не вмешивается в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика (п. 1 ст. 748 ГК РФ), не может давать указания о режиме работы и отдыха сотрудников подрядчика и т.п. Для подрядчика главное, чтобы результат работы был качественным и готов к приемке в обозначен-

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. 11 июля. ■ ⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 февраля 2015 г. по делу № А32-15839/2013 ; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 июня 2017 г. № Ф01-2184/2017 по делу № А29-8173/2016 и др. // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁹ Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 123. ■ ¹⁰ Кузнецова О.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере телекоммуникационных услуг : монография. М., 2018. ■ ¹¹ Шевченко Л.И. Правовое регулирование договора возмездного оказания оценочных услуг // Современное право. 2016. № 12. С. 96 ; Гуринов Ю.И. Особенности одностороннего отказа от исполнения договоров подряда и возмездного оказания услуг // Прогноз. 2017. № 1. С. 38. ■ ¹² Гришаев С.П. Договор возмездного оказания услуг: теория и практика применения // СПС «КонсультантПлюс». ■ ¹³ Никитин А.В. Договор подряда в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 27. ■ ¹⁴ Прибытков И.Г. Указ. соч. ■ ¹⁵ Гришаев С.П. Указ. соч.

ный срок. Однако проводить разграничение по данному критерию порой бывает достаточно трудно, поскольку мы сталкиваемся с толкованием содержания права заказчика на контроль и надзор за ходом и качеством выполняемых работ в договоре подряда.

Современные ученые развивают учения о разграничении работ и услуг, предлагая иные критерии. Так, интересной представляется точка зрения, которая предлагает разграничивать исследуемые договоры исходя из характера воздействия на объекты материальной действительности. Предлагается классифицировать это воздействие на три группы:

1) воздействие, которое направлено на создание новой вещи, при этом с прекращением существования первоначальных (исходных) вещей;

2) воздействие, которое направлено на постоянное или долговременное преобразование имеющихся вещей, при этом не предусматривается прекращение существования этих вещей;

3) воздействие, которое имеет поверхностный характер и не приводит к постоянному или долговременному изменению первоначальных вещей (например, уборка территории, мойка механизма и т.д.).

Если рассуждать с точки зрения материальности, то все три вида воздействия имеют материальный результат, который может быть проверен на соответствие требованиям договора. Однако очевидно, что перечисленные виды воздействия на вещь имеют довольно важные отличия. При первом и втором воздействии исполнителя су-

щественно, серьезно влияет на изменение вещи в долговременной перспективе. Авторы отмечают, что поэтому такие виды воздействия зачастую немислимы без использования различных вещей, которые преобразуются исполнителем в новую вещь или становятся составной частью измененной вещи¹⁶.

Результаты воздействия третьей группы не несут признака долговременности или существенности физического воздействия на вещь, т.е. отмечается «неустойчивый вещественный результат»¹⁷. Поэтому предлагается воздействие в рамках третьей группы с учетом кратковременности существования их результата относить к услугам.

Таким образом, услуга в отличие от работы предполагает действия, не связанные с воздействием на вещи либо не направленные на постоянное или долговременное изменение состояния существующих вещей. Например, не будет являться работой хранение, направленное на обеспечение сохранности вещи, а не на изменение ее наличного состояния. Также не будут работами перевозка и переноска вещей, предусматривающие их перемещение в пространстве. Предложенный подход вписывается в рамки законодательного регулирования. Пункт 1 ст. 703 ГК РФ в качестве видов работ прямо упоминает изготовление, переработку или обработку вещи, что предполагает постоянный или долгосрочный характер воздействия.

Следующая правовая проблема, которая подлежит исследованию, может ли являться объектом работы нечто одушевленное. Например, если речь идет о такой вещи, как протез или кардиостиму-

лятор, которые будут внедрены в человеческий организм в рамках медицинского воздействия врачом. Такие воздействия непременно носят долговременный характер. Однако сам по себе человеческий организм как неотъемлемая часть индивида по гражданскому законодательству РФ не может являться объектом гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Любое воздействие на физическое лицо в отличие от воздействия на неодушевленный предмет будет иметь менее предсказуемый результат. Причины могут носить объективный и субъективный характер. Объективно любое воздействие на человеческий организм может вызвать непредсказуемые результаты. Например, краска для волос, наносимая в салоне красоты, может вызвать аллергию и т.д. Примером субъективной причины можно обозначить ситуацию, когда человек негативно реагирует на воздействие и требует его прекратить, к примеру передумывает делать пластическую операцию или иную манипуляцию, на которую он ранее добровольно дал согласие. Имеются и обратные примеры, когда прекращения воздействия требует исполнитель, например, понимая о серьезности ущерба здоровья в рамках воздействия. А раз результат не предсказуем, речь идет все же об услугах, а не о работах. И по этой причине в правовом регулировании деятельности по оказанию услуг предусматривается возможность одностороннего отказа от исполнения договора по требованию любой из сторон (ст. 782 ГК РФ).

Что касается животных, которые относятся к режиму вещей, то здесь также проявляется их оду-

¹⁶ Никитин А.В. Указ. соч. С. 32. ■ ¹⁷ Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. М., 2005. С. 29.

шевленный характер, который напрямую влияет на непредсказуемость результата воздействия. Мы согласны с авторами, полагающими, что ветеринарную деятельность, осуществляемую в рамках Закона РФ от 14 мая 1993 г. № 4979-1 «О ветеринарии»¹⁸ также

следует относить к услугам¹⁹. Исходя из изложенного, полагаем, что объектом работы выступает только неодушевленная физически осязаемая вещь.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что грань между работой и услугой очень тонкая.

В каждом конкретном случае сторонам предлагается проанализировать направленность своего договора исходя из предложенных критериев и определить должно ли правовое регулирование, чтобы избежать возможной переквалификации договора судом в случае спора. [ЮМ](#)

Литература

1. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 2 / под ред. С.А. Степанова. М. : Проспект, 2016. 928 с.
2. Гришаев С.П. Договор возмездного оказания услуг: теория и практика применения / С.П. Гришаев // СПС «Консультант-Плюс».
3. Гурин Ю.И. Особенности одностороннего отказа от исполнения договоров подряда и возмездного оказания услуг / Ю.И. Гурин // Прогосзаказ.рф. 2017. № 1. С. 38–47.
4. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. 453 с.
5. Ключникова М. Квалификация договора на веб-сайт / М. Ключникова, А. Фазлыева // ЭЖ-Юрист. 2016. № 15.
6. Кузнецова О.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере телекоммуникационных услуг : монография / О.А. Кузнецова. М. : Юстицинформ, 2018. 207 с.
7. Никитин А.В. Договор подряда в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Никитин. Екатеринбург, 2013. 213 с.
8. Попова А.К. Услуга (оказание услуг) как объект гражданских прав / А.К. Попова // Юридический мир. 2016. № 8. С. 32–35.
9. Прибытков И.Г. Теоретические аспекты категории услуг в гражданском праве / И.Г. Прибытков // Современное право. 2017. № 2. С. 56–60.
10. Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук / Л.В. Санникова. М., 2007. 315 с.
11. Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав / Д.И. Степанов. М. : Статут, 2005. 346 с.
12. Шевченко Л.И. Правовое регулирование договора возмездного оказания оценочных услуг / Л.И. Шевченко // Современное право. 2016. № 12. С. 96–98.

¹⁸ Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4979-1 «О ветеринарии» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857. ■ ¹⁹ Никитин А.В. Указ. соч. С. 45.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

Современные угрозы экономической безопасности

Учитывая, что для исследования взят сложный экономико-правовой и политический институт, полагаем целесообразным раскрытие его содержания с определения термина «безопасность». Этимология раскрывает слово «безопасность» как «сохранность, надежность или защищенность»¹. То есть в целом это такое состояние, которое создает благоприятные условия для развития, исключает негативное воздействие изнутри и извне. Разделяя выделенные выше концептуальные признаки, необходимо определиться с их правовым обоснованием, вытекающим не только из целей безопасности, но и инструментов, ее образующих. На этом и сосредоточено значительное количество документов, регламентирующих обеспечение безопасности, но с учетом особого спектра их правового регулирования.

Термин «безопасность» используется в значительном количестве имеющихся сегодня нормативных правовых актов². Такое активное его применение предполагает унифицированность в раскрытии его содержания. Однако проведенное нами исследование указывает на обратное. Например, узкоспециализированные понятия безопасности, затрагивающие экономическую сферу, содержатся в Федеральном законе от 2 января

**Курдюков
Сергей Иванович,**
профессор
Московского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук,
профессор
kurdyukov-s61@mail.ru

Kurdyukov Sergey I.
Professor of the Kikot Moscow
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Doctor of Economics, Professor

2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», где приводится понятие безопасности пищевых продуктов³, в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» определяется понятие промышленной безопасности⁴, в Законе Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁵. Ознакомление с этими законодательными актами показало, что каждый из вышеотмеченных источников вкладывает в рассматриваемый институт существенно отличающиеся друг от друга признаки и характеристики, относя безопасность к состоянию, мере, отсутствию риска или свойству.

Разнообразие подходов, исходящих от одного субъекта-за-

конодателя, не представляет возможности разобраться с точным смыслом рассматриваемого феномена, вложенным в него со стороны государства, в лице уполномоченных на то органов. Данное положение подтверждается в результате изучения Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»⁶, который и должен носить императивно-рекомендательный характер для всех сфер обеспечения безопасности. Однако этот документ формулирует лишь принципы, т.е. основополагающие идеи и направления деятельности в рассматриваемой сфере. Возможно ли их правильное определение без выделения концептуальных признаков безопасности? Полагаем, что нет. Это и становится первопричиной распространения отличных друг от друга подходов при формулировании понятия безопасности в конкретных направлениях ее обеспечения, хотя уже действующий Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446 1992 г.⁷ закреплял унифицированную дефиницию безопасности и определял две главных, т.е. фундаментальных ее идеи. Первая — это характеристика угроз (внутренние и внешние). Вторая — соотношение безопасности с определенным состоянием. В целом и мы обращаем на это особое внимание, заложен-

¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. С. 67. ■ ² По данным справочной правовой системы «КонсультантПлюс», термин «безопасность» используется в 8018 нормативных правовых актах федерального уровня. ■ ³ Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150. ■ ⁴ Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588. ■ ⁵ Федеральный закон от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140. ■ ⁶ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2. ■ ⁷ Федеральный закон от 5 марта 1992 г. № 2446 «О безопасности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769 (утратил силу).

ная ранее законодательная идея не только совпадала с этимологическим содержанием рассматриваемой категории, но и создавала четкую, правильную, унифицированную позицию в части обеспечения безопасности как в целом, так и в отдельных направлениях ее реализации. Подчеркнем, что и значительное количество нормативных правовых актов в рассматриваемой области, действующих сегодня, сохраняют ранее заложенные характеристики безопасности. Например, эта идея нашла свое отражение и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁸. Это еще раз свидетельствует о необходимости придания им правового статуса, что повлечет за собой исключение имеющихся сегодня правовых коллизий и противоречий в столь значимой для страны стратегической сфере деятельности.

В целом можно констатировать, что в российском правовом поле присутствует неопределенность в юридико-техническом содержании понятия безопасности. Считаем, что это негативно воздействует на все направления ее обеспечения, в том числе и в экономической сфере, что порождает активную дискуссию среди ученых в части определения понятия и содержания экономической безопасности. Обусловлено это не только сделанным выше выводом, но и ее содержанием. Бесспорным является тот факт, что экономическая безопасность — это неотъемлемая часть национальной безопасности

России. Именно поэтому ее обеспечение выступает в качестве приоритетной функции государства, так как уровень экономического развития создает условия для решения социальных, политических, правовых задач, а также усиливает качество противодействия внутренним и внешним угрозам. В связи с этим экономическая безопасность — это многогранное явление, что и создает сложности в четком его определении. Доктрина перенасыщена авторскими подходами по дефинированию рассматриваемого термина. В основной своей массе представители науки, понимая не только ее доктринальное значение, предпринимают попытки рассмотрения экономической безопасности через прикладное ее предназначение, предлагая способы и средства ее обеспечения.

Так, например, первая группа ученых раскрывает исследуемое понятие через родовую, с их точки зрения, категорию «национальная безопасность» путем включения его в уже имеющееся законодательное определение экономического интереса⁹.

Представители второго подхода, интерпретируя анализируемую юридико-экономическую категорию как определенное неразрывное состояние экономики и власти, особый акцент делают на целях экономической безопасности. В качестве главенствующей при этом выделяют защиту национальных интересов, достигаемую через социальную направленность развития государ-

ства, обеспечение достаточного экономического потенциала¹⁰.

В рассматриваемом вопросе существует и нормативное определение экономической безопасности, в том числе имеющее особую ретроспективную природу. В частности, в утратившем юридическую силу Федеральном законе от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» в качестве основополагающих признаков отмечено определенное состояние экономики. Его индикаторами выступали уровень политического, социального и оборонного существования, прогрессивность развития России, независимость и неустойчивость экономики страны от внутренних и внешних угроз¹¹.

Действующий в настоящее время нормативный правовой акт, регламентирующий исследуемую нами сферу, — Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» соотносит безопасность с «состоянием защищенности»¹². Однако в отличие от ранее действующих документов существенной корректировке подвержена цель экономической безопасности. Она стала носить многоаспектный характер. Это обеспечение экономического суверенитета страны, защита национальных интересов, а также реализация стратегических национальных приоритетов государства. Полагаем, что представленная на законодательном уровне

⁸ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212. ■ ⁹ Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е.А. Олейникова. М., 1997. С. 29. ■ ¹⁰ См.: Гаджиева Л.Э. Налогообложение как особый системный инструмент государственного регулирования экономической безопасности России : дис ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 14. ■ ¹¹ Федеральный закон от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 42. Ст. 3923 (утратил силу). ■ ¹² Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

тройственность целей, имеющих внутреннее методологическое единство, свидетельствует о многоаспектном, экономико-политическом содержании экономической безопасности. С нашей точки зрения, данная позиция и раскрывает главную ее сущность, и по этой причине она должна быть, бесспорно, поддержана.

В целом как доктрина, так и имеющееся сегодня законодательство акцентируют внимание на следующих отличительных чертах экономической безопасности.

Во-первых, это отнесение ее к определенному неподвижному, статическому состоянию, что обусловлено появлением ранее не известных угроз.

Во-вторых, целями экономической безопасности являются защита экономических интересов государства и дальнейшее планомерное развитие экономического потенциала страны.

В-третьих, возможность обеспечить экономическую безопасность даже при наличии неблагоприятных внутренних и внешних угроз.

Отмеченные черты позволяют нейтрализовывать имеющиеся сегодня угрозы, своевременно на них реагировать и тем самым поддерживать благоприятные условия для жизни граждан¹³.

Поэтому через содержание выделенных нами признаков рассмотрим три наиболее значимые современные угрозы экономической безопасности Российской Федерации, сконцентрируя при этом свое внимание на внутренних их разновидностях.

Мировые кризисные экономические явления, а также недружественная экономическая политика в адрес России со стороны ряда ведущих мировых государств позволяют констатировать, что в качестве одной из внутренних угроз экономической безопасности выступает снижение инвестиционной привлекательности российской экономики. Проблема кроется в преобладании сырьевой направленности экономической деятельности. То есть обеспечение экономической безопасности зависит не только от объемов добытого сырья, а в первую очередь от цен на них на мировом рынке. Полагаем, что это и стало первопричиной экономического кризиса 2014 г. Да и сверхвысокий уровень криминализации этой сферы экономики также выступает в качестве индикатора инвестиционной привлекательности. Например, выявленный факт хищения более тридцати миллиардов рублей из финансовых активов «Газпрома»¹⁴ поставит вопрос о дальнейшем вливании капиталов со стороны российских и зарубежных инвесторов в сферу газо- и нефтедобычи. Нейтрализация данной угрозы возможна в первую очередь путем создания прозрачности не только отдельных видов экономической деятельности, требующих инвестиций, но и самого процесса инвестирования.

Не менее значимой угрозой является отток капитала из страны. Удержание капиталов внутри страны должно выступать в качестве одного из приоритетных направлений обеспечения экономи-

ческой безопасности. В поддержку сформулированного вывода можно представить следующие аргументы.

Во-первых, объемы вывода полученных доходов за рубеж сопоставимы с бюджетами ряда регионов России. Так, в 2018 г. за пределы страны было выведено 16 миллиардов долларов¹⁵.

Во-вторых, причины отмеченной угрозы носят экономико-правовой характер. Экономическая угроза связана с удешевлением производимой на территории России продукции. Правовая угроза обусловлена высокими налогами и экономической неэффективностью законодательства¹⁶.

В качестве следующей угрозы следует выделить низкий уровень научно-технического потенциала, от которого зависят степень самостоятельности в части производства необходимых видов промышленной продукции, а также реализация в будущем стратегических проектов. Разрушение ранее имеющегося потенциала в области развития современных научных технологий лишает государство возможности самостоятельно решать важные государственные задачи, в том числе в экономике. Российская Федерация столкнулась с заявленной проблемой в процессе введения антироссийских санкций. Важно отметить, что деструктивное поведение партнеров России негативно повлияло на обеспечение не только экономической, но в целом и национальной безопасности. Это послужило причиной развития нового этапа,

¹³ См.: Прудюс Е.В. О понятии и системе экономической безопасности // Законодательство и экономика. 2008. № 1. С. 34–39.

■ ¹⁴ Отец сенатора Арашукова задержан за хищение газа на 30 млрд рублей у «Газпрома». URL: <https://kommersant.ru/doc/3868032> (дата обращения: 01.02.2019). ■ ¹⁵ Доклад о денежно-кредитной политике. 2017. № 4. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/7828/2017_04_ddcp.pdf (дата обращения: 01.02.2019). ■ ¹⁶ См.: Загашвили В.С. Всемирная торговая организация перед лицом новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 7. С. 14–27.

именуемого как импортозамещение. Начиная с 2015 г. работа по замещению импортной продукции российской проводится по двум направлениям. В рамках первого введены ограничительно-запретительные меры по ввозу на территорию государства продукции, произведенной за ее пределами. При этом меры, направленные на его реализацию, включают в себя в том числе и применение уголовно-правовых механизмов. Например, в Уголовном кодексе РФ установлена ответственность за контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200² УК РФ)¹⁷.

Второе направление включает в себя стимулирование националь-

ной промышленности. Сегодня имеется значительное количество нормативных правовых актов, определяющих особые экономические условия для развития отдельных отраслей национальной экономики, ранее сильно зависящих от импортной продукции или технологий. Например, Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы¹⁸.

Подводя итог проведенному исследованию, хотелось бы подчеркнуть, что выделенные угрозы представляют собой авторскую позицию в части определения наи-

более значимых и созданных внутри самого государства по причине наличия благоприятных условий для их детерминирования. Полагаем, что особое влияние на появление новых или видоизменение уже имеющихся угроз оказывают политико-экономические процессы, происходящие как на площадке всего мирового сообщества, так и на территориях отдельных государств. В связи с этим уровень противостояния современным угрозам экономической безопасности напрямую зависит от уровня оперативного реагирования и принимаемых мер противодействия экономического, социального, политического и правового толка. ЮМ

1. Гаджиева Л.Э. Налогообложение как особый системный инструмент государственного регулирования экономической безопасности России : дис ... канд. экон. наук / Л.Э. Гаджиева. М., 2003. 176 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. М. : Русский язык, 1989. Т. 11 : А–З. 699 с.
3. Загашвили В.С. Всемирная торговая организация перед лицом новых вызовов / В.С. Загашвили // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 7. С. 14–27.
4. Основы экономической безопасности. (Государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е.А. Олейникова. М. : Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997. 278 с.
5. Прудюс Е.В. О понятии и системе экономической безопасности / Е.В. Прудюс // Законодательство и экономика. 2008. № 1. С. 34–39.

¹⁷ Статья 200² УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий» введена Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 83. ■ ¹⁸ Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.

Методологические основания дефиниции правоограничений в российском гражданском праве

Как известно, любое исследование сопровождается решением как минимум двух интеллектуальных задач. Во-первых, требуется ясно и четко определить ключевые понятия и придать соответствующим терминам строго фиксированный смысл, заданный для достижения поставленной познавательной цели. Во-вторых, поскольку определение или дефиниция всегда представляют собой своего рода соглашение об употреблении некоторого термина в устойчивом, постоянном значении, постольку необходимо дать обоснование используемых формулировок, т.е. показать, под влиянием каких идей и концепций они были выработаны. По словам Гегеля, научное мышление знает лишь основания и выведенное из оснований¹. По мнению И. Канта, номинальной дефиницией является та, которая достаточна для различения объекта от всех остальных объектов и вытекает из полного и точного объяснения².

Принимая указанные положения в качестве исходных, определим, что правоограничения в гражданском праве представляют собой редукцию (уменьшение, ослабление) правомочий субъектов в сфере прав и обязанностей частных лиц в их взаимоотношениях между собой, отвечающую принципам равенства, формальной определенности закона, необходимости и соразмерности.

Латынин Олег Анатольевич,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия,
Председатель Арбитражного суда
Республики Крым,
кандидат юридических наук
mail@crb.rsu.ru

Latynin Oleg A.
Associate Professor
of the Department of Civil and Legal
Disciplines of the Crimea Branch
of the Russian State University
of Justice
Presiding Judge of the Commercial
Court of the Republic of Crimea
Candidate of Legal Sciences

В таком нашем определении мы стремимся подчеркнуть три методологически главных момента, существенных для уяснения природы, проявления и социально-правового смысла правоограничений в гражданском праве.

В первую очередь это существование различий в сфере действия частного и публичного права. Например, понятие правоограничений на первый взгляд проще ассоциировать с чьими-то властными полномочиями и принудительной силой, нежели с интересующей нас областью, где, по мнению И. Канта, во всей полноте проявляется «свойство человека быть своим собственным господином (*sui iuris*)».

Однако из знаменитой формулы Ульпиана о публичном и частном праве И. Кант вывел смысл, из которого усматривается не менее выраженная реальность правоограничений и в частноправовой сфере:

«1. Будь человеком, действующим по праву (*honeste vive*). Правовая честность (*honestas iuridica*) состоит в следующем: надо сохранять в отношениях с другими свое достоинство как человека; этот долг выражен в положении: «Не будь лишь средством для других, будь для них также и целью». Этот долг будет в дальнейшем объяснен нами как обязательность, основанная на праве человечества в нашем собственном лице (*lex iusti*).

2. Не поступай с кем-либо не по праву (*neminem laede*), даже если тебе ради этого надо будет прервать всякую связь с остальными и избегать всякого общества (*lex iuridica*).

3. Вступай (если ты не можешь избежать всякой связи с другими) в такое сообщество с ними, в котором каждому может быть сохранено свое (*suum cuique tribue*). Последняя формула, если ее перевести как «воздай каждому свое», была бы нелепостью; ведь нельзя кому-то дать то, что у него уже есть. Так что если искать в ней смысл, то она должна звучать так: «Займи такое положение, в котором каждому может быть гарантировано свое

¹ Новоселов М.М. Обоснование // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH28241d1493bd3ee9d37028> (дата обращения: 21.12.2018). ■ ² Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. 2: Учения о праве // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 159.

в отношении любого другого» (*lex iustitiae*)³.

Итак, поступок «по праву» предполагает, что правом поддерживаются мои собственные границы, которые я устанавливаю сам для себя, чтобы всегда сохранять нечто «свое», включая достоинство, врожденное каждому человеку.

Возвращаясь к нашей дефиниции, далее отмечаем еще один методологически существенный момент — это высокая степень рас пространенности и широта явлений гражданско-правового характера. Так, гражданские права и обязанности затрагиваются в системах имущественного договорного, коммерческого права, обязательств из причинения вреда, семейного и трудового права, а также в тех случаях, когда решение публично-правовых вопросов имеет определяющее значение для гражданских прав и обязанностей. Следовательно, в обозначенном нами исследовательском контексте разграничение прав на вещные и обязательственные не является релевантным.

Среди методологически важных моментов, отраженных в нашей дефиниции правоограничений, назовем подчиненность доктрине верховенства права в той ее трактовке, которая закреплена Конституцией Российской Федерации и в настоящее время формируется в первую очередь в качестве судебной доктрины, в процессе разрешения споров о праве.

Подводя итог, мы можем сказать, что методологическая платформа сформулированной нами дефиниции правоограничений в российском гражданском праве включает в себя постулаты общей

теории права; конституционный принцип верховенства права, лежащий в основе правовой системы Российской Федерации; а также его реализацию в российской судебной доктрине верховенства права, которая в настоящее время постепенно развивается судебной практикой, в том числе по гражданским делам и делам по разрешению экономических споров.

Поскольку целевые рамки настоящей статьи исключают возможность всестороннего анализа упомянутых методологических оснований, остановимся лишь на кратком описании их отдельных фрагментов. При таком подходе последовательность дальнейшего изложения будет произвольной с привлечением научной и учебной юридической литературы, ибо, как верно утверждал Гегель, «наука состоит в том, что ткутся мнения из мнений»⁴.

Руководствуясь данным тезисом, который представляется нам бесспорным, начнем именно с мнения, обстоятельно аргументированного в монографическом исследовании Ю.Н. Андреева по теоретическим и практическим проблемам ограничения гражданских прав. «Ограничение прав, — пишет Ю.Н. Андреев, — это установление границ (пределов) их реализации и осуществления, предусмотренных законом в публичных и частных интересах, сдерживающих (стесняющих) полномочия правообладателей с помощью ограничительных мер (запретов, обязываний, приостановления и т.п.) с целью гармоничного сочетания общественных, государственных и частных интересов»⁵.

Ссылаясь на известного философа В.С. Соловьева, полагавшего, что сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага, Ю.Н. Андреев утверждает, что «конечной целью ограничений прав является гармоничное сочетание (удовлетворение) индивидуальных и общественных потребностей, интересов, такое урегулирование (ограничение) поведения отдельной личности, которое не позволяло бы нарушать права других участников общественных отношений, интересы общественного порядка»⁶.

Как видим, в определении правоограничений и их целевой направленности названный автор исходит из идей баланса и пропорциональности, соотносимых с известными представлениями о правовой справедливости.

Помимо общетеоретических положений, в работе Ю.Н. Андреева дается анализ конкретных теоретических и практически значимых аспектов ограничения личных неимущественных прав граждан России, ограничения прав земельных собственников, а также рассматриваются категория «злоупотребление правом» и границы (пределы) осуществления субъективных гражданских прав, вопросы соотношения ограничения прав публичного и частного собственника с ограниченными вещными правами, в том числе сервитутами.

В целом монографию Ю.Н. Андреева считаем одним из важных свидетельств возросшего в последнее десятилетие научного интереса к многоаспектной проблематике правоограничений в гражданском праве.

³ Там же. С. 179–181. ■ ⁴ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. С. 79. ■ ⁵ Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. С. 13. ■ ⁶ Там же. С. 13–14.

Отметим, что ее конституционные основы получили закрепление в так называемой жесткой части Конституции Российской Федерации, возможности реформирования которой строго ограничены, откуда следует, в частности, вывод об особой историко-культурной и социально-правовой значимости норм, включенных в данную главу.

Итак, в силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно изложенной им в своих решениях, защита конституционно значимых ценностей предполагает, как это следует из ч. 3 ст. 17, ст. 19, ч. 2, 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации, *возможность разумного и соразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина при справедливом соотношении публичных и частных интересов*, без умаления этих прав и свобод; соответствующие правоограничения оправдываются поименованными в ст. 55 Конституции Российской Федерации публичными интересами, если они обусловлены именно такими интересами и способны обеспечить социально необходимый результат; при определении условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений

федеральный законодатель должен, исходя из принципа равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности, обеспечивать баланс конституционных ценностей, а также прав и законных интересов участников конкретных правоотношений (*курсив мой.* — О.А.)⁷.

В приведенных выше положениях Конституции Российской Федерации и актах их официального толкования нами усматриваются преемственность, современное развитие и текстуальное воплощение правовых идей и ценностей, существовавших на уровне отечественного правосознания еще в досоветский период. В то время, например, идея соразмерных правоограничений во имя всеобщего блага, устанавливаемых не произвольно, а на определенных принципах, притом без подавления воли и интересов индивида, была показана в одном из наиболее авторитетных учебников, предназначенных для юридического самообразования. Там содержалось указание, что все право существует для людей и через людей, но все они не одинаковы, а порой и противоречивы, конфликты в своих интересах, желаниях и целях, а стало быть, для развития и процветания общества необходим некий компромиссный порядок. «Каждый должен *жертвовать долей своей естественной свободы* для того, чтобы другие могли существовать рядом и *наравне* с ним. ... Правовой порядок определяется интересами целого... но целое состоит из живых членов, членами же являются отдельные люди и подчиненные союзы людей. Чтобы целое

преуспевало, членам должна быть предоставлена такая *мера свободы*, какая требуется для развития индивидуальной жизни. Отыскание правильного пути между обоими противоположными началами... составляет трудную задачу правообразования» (*курсив мой.* — О.А.)⁸.

Добавим, что не менее сложна и задача судебного отыскания подобного баланса в процессе разрешения того или иного конкретного спора о праве. Как мы уже отмечали выше, на множество возникающих в связи с этим теоретических и практических вопросов призвана ответить формирующаяся в настоящее время судебная доктрина верховенства права.

По образному выражению Г.А.Гаджиева, она «все же пробивается, как трава сквозь асфальт, и тянется к солнцу»⁹. На практике не без трудностей приходится преодолевать противоречие между новыми принципами верховенства права и устаревшими элементами российской правовой традиции, ориентированной на верховенство закона. «Зачем обсуждать закон — правовой он или нет? Его надо неукоснительно выполнять. Главное, чтобы не было бессилия государственной власти»¹⁰.

Между тем именно верховенство права предполагает не формальное, но справедливое правосудие, когда в поиске справедливого решения требуется сбалансировать различные социальные интересы с учетом в том числе неюридической действительности с применением экономических, социальных, этических рассуждений. Таким образом, умение точно определить в конкрет-

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2015 г. № 727-О // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁸ Регельсбергер Ф. Общее учение о праве : пер. И.А. Базанова ; под ред. проф. Ю.С. Гамбарова. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1897. XIV. С. 2–5. ■ ⁹ Гаджиев Г.А. Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире : сборник статей. М. : Юстицинформ, ЛУМ, 2013. С. 220. ■ ¹⁰ Там же. С. 219, 223.

ном деле пропорцию правоограничений является частью юридической гносеологии и универсальным методом судебного познания.

Считаем, что дальнейшее исследование правоограничений в гражданском праве в методологическом поле, обозначенном нами

в настоящей статье, имеет определенные перспективы как в теоретическом, так и в практическом отношении. [ЮМ](#)

Литература

1. Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России / Ю.Н. Андреев. СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. 400 с.
2. Гаджиев Г.А. Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя / Г.А. Гаджиев // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире : сб. ст. М. : Юстицинформ, ЛУМ, 2013. С. 213–237.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. Кн. 1. СПб. : Наука, 1993. 350 с.
4. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. 2: Учения о праве // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965. 478 с.
5. Новоселов М.М. Обоснование / М.М. Новоселов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / В.С. Степин [и др.]. М. : Мысль, 2000–2001. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH28241d-1493bd3ee9d37028> (дата обращения: 21.12.2018).
6. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер ; пер. И.А. Базанова ; под ред. Ю.С. Гамбарова. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1897. 296 с.

Читайте в следующем выпуске журнала:

Новости Ассоциации юристов России

Ассоциация юристов России заключила соглашение о сотрудничестве с организацией выпускников Саратовской государственной академии права

В МГЮА состоялась лекция Павла Крашенинникова «Конституции XX века»

По инициативе АЮР в Москве появилась площадь Академика Кутафина

Вавилин М.В. К вопросу о целях прокурорского надзора за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи

Кириченко О.В., Соломенцева К.В. Понятия «коррупция» и «коррупционер» в законодательстве Российской Федерации

Махиборода М.Н., Ананьева Е.О. К вопросу применения норм о компенсации морального вреда

Пирожкова И.Г. Репродуктивные права граждан: понятие и правовое регулирование в современной России

Светличный А.В. Бренд-сквоттинг. Как ему противостоять

Бондаренко Л.К. Мироззренческая основа профессионального сознания современного юриста

Проблемы правозащитной деятельности уполномоченным в отношении индивидуального предпринимательства

Актуальность правозащитной деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей (далее — институт Уполномоченного) обусловлена ограниченностью исполнения полномочий и недостаточными действиями в достижении принципа доверия и социального результата в отношении индивидуальных предпринимателей. В связи с этим следует раскрыть правовую природу категории «правозащитная деятельность».

Исходя из понимания авторами (Л.Н. Завадская, О.В. Иванов, З.В. Ромовская, Б.Ю. Тихонова)¹, «защита — это те меры, которые предпринимаются в случаях, когда права и свободы человека нарушены или оспорены»², правозащитная деятельность относится к защите и восстановлению прав потерпевшей стороны.

Однако позиции ученых-правоведов А.А. Баукена, Н.В. Витрука, В.Н. Кудрявцева, А.В. Стремоухова указывают на систему правоотношений, в том числе самозащиту прав и законных интересов, суть которых выражена в юридическом поведении в достижении общественно полезного (социального) результата. По существу, указанные правоотношения выражены правообеспечением, в том числе мерами уведомительного, упредительного свойства и профилактики. Следова-

Рожкова Анна Юрьевна,
доцент Псковского
государственного университета,
кандидат экономических наук
annroz80@yandex.ru

Rozhkova Anna Yu.
Associate Professor
of the Pskov State University
Candidate of Economic Sciences

тельно, правозащитная деятельность содержит правообеспечительные и правозащитные меры, которые должны взаимно коррелировать в достижении принципа доверия и гаранта защиты прав, эффективности социального результата. В актуализации данного утверждения представим правовые основы правозащитной деятельности, отражающие комплекс юридических действий института Уполномоченного.

На основании ст. 2 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (далее — Закон № 78-ФЗ)³ институт Уполномоченного обеспечивает «гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности в соблюдении указанных прав органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами на взаим-

ной основе». Правозащитная деятельность Уполномоченного выражена следующими компонентами: защитой прав субъектов предпринимательства, контрольной деятельностью при взаимодействии с органами государственной власти, органами местного самоуправления (ч. 2 ст. 5 Закона № 78-ФЗ), взаимодействием с институтами гражданского общества, в том числе с союзом предпринимателей, фондом поддержки предпринимательства. Следовательно, институт осуществляет «представительские и экспертные функции» (ч. 2 ст. 7 Закона № 78-ФЗ).

На основании Конституции Российской Федерации⁴ и комплекса нормативно-правовых актов правозащитная деятельность Уполномоченного выражена правом на обращение в суд (ч. 4 ст. 4 Закона № 78-ФЗ) с жалобой на нарушение прав индивидуальных предпринимателей; оспариванием нормативных правовых актов / решений в случае их незаконности на основании нормы ч. 1 ст. 48 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон № 131-ФЗ)⁵.

В результате анализа авторских позиций и правовых источников, позволяющих раскрыть

¹ Сологуб А.Ю. Понятие «правовая защита» // Юридические науки. Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 351–354. ■ ² Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации : монография. Ростов н/Д : Ростиздат, 2006. С. 111. ■ ³ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁴ Статьи 8, 9, 29, 33–36, 45, 46 Конституции Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁵ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

правовую природу, предлагаем следующую авторскую формулировку правопонимания исследуемой категории: «Правозащитная деятельность — это правоотношения, выраженные комплексом взаимно коррелирующих правообеспечительных и правозащитных мер при взаимодействии с судебными, государственными / муниципальными и институтами гражданского общества в достижении принципа доверия, гаранта и социального результата в отношении индивидуального предпринимательства».

Особенности правозащитной деятельности Уполномоченным предпринимательства выражены в силу межотраслевого правового статуса индивидуального предпринимателя, защита гражданских и предпринимательских прав регламентирована нормами ГК РФ⁶ как признание, восстановление права; обжалование сделок, нормативных актов; возмещения убытков, компенсации материального и морального вреда, взыскания неустойки; самозащита своего имущества.

Решение, принятое в административном порядке, может быть обжаловано Уполномоченным в суд (ч. 6 ст. 4 Закона № 78-ФЗ). Так, институт Уполномоченного предъявляет требования в арбитражные суды о признании недействительными нормативных правовых актов государственных (например, решения налоговых органов по актам выездных налоговых проверок) и муниципальных органов⁷.

Меры административного характера предполагают штрафы за непредставление доказательств, за неисполнение определений о применении обеспечительных мер, за неисполнение действий, указанных в исполнительном листе⁸. При этом в разрешении конфликтов не всегда наблюдается восстановление прав потерпевшего индивидуального предпринимателя. Так, в отношении правонарушителя судом в решении назначено наказание в виде административного штрафа без указания мер восстановления прав. По существу, защита прав реализована не в полной мере, лишь в защиту нормы. Например, удовлетворение иска с назначением административного штрафа в нарушении ст. 14.42 КоАП РФ в отношении требований к условиям заключения договора поставки продовольствия суд имеет право защитить лишь публичные права при необходимости обеспечения общественной безопасности. Другой пример: в нарушении ст. 166 ГК РФ в отношении оспоримых и ничтожных сделок в ч. 4 суд⁹ имеет право защитить только публичные права при необходимости обеспечения общественной безопасности. По существу, такие административные меры носят двоякий признак — карательно-упредительный.

Очевидно, что особенности правозащитной деятельности¹⁰ института Уполномоченного относительно конституционных, гражданских и предпринимательских

прав обусловлены императивом защиты прав компенсационного свойства в связи с экономической спецификой упущения выгоды, непредвиденных транзакционных затрат, повышения рисков предпринимательской деятельности. Отсутствие восстановления прав в виде компенсации в связи с проведением проверок согласно ст. 20 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» позволяет сделать вывод, что полноценность правозащитных действий должна выражаться в достижении результатов судебного и исполнительного производства карательных и защитных мер компенсационного свойства.

По данным доклада РССП¹¹ представлен рейтинг проблем при контрольно-надзорной деятельности (рис. 1), среди которых значительную долю (51,7%) составляют новые требования. Очевидны недостаточная правовая грамотность и правовой нигилизм индивидуальных предпринимателей. В данном случае актуализация правообеспечительной деятельности Уполномоченного должна выражаться в просветительской деятельности для индивидуальных предпринимателей согласно ч. 5 ст. 1 Закона № 78-ФЗ как одна из форм правозащитной деятельности.

⁶ Статья 12 гл. 2 ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁷ Пункт 2 ст. 29 АПК РФ // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁸ Часть 9 ст. 66 АПК РФ, ч. 2 ст. 96 АПК РФ, ч. 4 ст. 156 АПК РФ, ст. 331 АПК РФ, ч. 2 ст. 332 АПК РФ. Размер и порядок наложения таких штрафов определяются ст. 119–120 АПК РФ // СПС «КонсультантПлюс». ■ ⁹ Часть 75 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». ■ ¹⁰ Курбатов А. Защита прав и законных интересов предпринимателей в публичных отношениях: порядок реализации и проблемы правоприменения // Российское право. 2013. № 1. С. 1–45. ■ ¹¹ Доклад «О состоянии делового климата в России в 2014–2017 году». М., 2018. С. 79. URL: <https://www.media.rsp.ru/document/> (дата обращения: 12.01.2019).

Рис. 1. Динамика проблем соблюдения прав предпринимательства при контрольно-надзорной деятельности органов

В результате анализа деятельности контрольно-надзорных органов в отношении индивидуального предпринимательства на 2017 г. выявлено, что 1/3 (18%) дел относимы к злоупотреблению доминирующим положением, недобросовестной конкуренции. Поэтому предлагается внести в ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон № 135-ФЗ)¹² принцип «Необоснованные конкурентные преимущества». Данный принцип позволит разграничить понимание «экономические конкурентные преимущества» (например, уникальность товара / услуги, бренда, конкурентоспособность по цене и т.д.) от «неэкономические» (как картельный / ценовой сговор, применение административного и коррупционного ресурса, в том числе согласно ст. 4 п. 8–14 Закона № 135-ФЗ).

В свою очередь, в силу межотраслевого правового статуса ин-

дивидуального предпринимателя присутствует угроза злоупотребления гражданским правом, а также должностными лицами. Поэтому в отношении объектов контрольно-надзорной деятельности предлагается выделить принцип в ч. 1 ст. 10 ГК РФ, а именно применить формулировку в ч. 1 ст. 10 ГК РФ: «Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также создание потенциальности наступления правонарушения / или нанесения вреда / или рисков / или убытков», тем самым привести в соответствие ч. 1 ст. 10 ГК РФ к ч. 9 ст. 4 № 135-ФЗ, в том числе в соответствии с нормами (ст. 15–18) Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹³.

Предложенные рекомендации позволят полноценно осуществлять правозащитную деятельность институтом Уполномочен-

ного индивидуальных предпринимателей в силу социально-экономической значимости индивидуального предпринимательства: в создании рабочих мест, социального обслуживания, обеспечении ВРП.

Так, на примере Псковской области институтом Уполномоченного на 2017 г. представлены коллективные обращения за восстановлением прав предпринимателей, в том числе 61% ИП¹⁴. Из них положительно решенные дела составили 25% в пользу предпринимателей. За период 2015–2017 гг. по Псковской области динамика имеет отрицательный тренд (рис. 2) по причине ограниченности исполнения полномочий (ст. 4 № 78-ФЗ), которые сведены лишь к содействию и представительству интересов. В норме не предусмотрены полномочия в области обеспечительных и уведомительных мер (например, в виде предупреждений, предписаний, уведомлений).

¹² Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». ■ ¹³ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». ■ ¹⁴ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Псковской области в 2017 г. URL: https://www.sobranie.pskov.ru/files/documents/Doklad_Upolnomochennogo.docx.

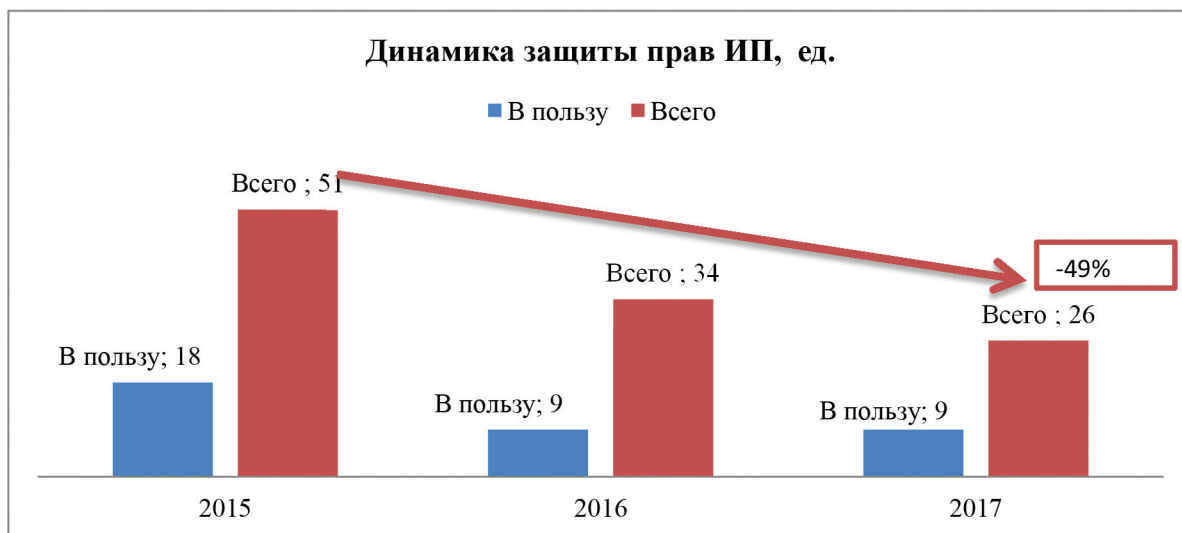

Рис. 2. Тренд на понижение правозащитной деятельности Уполномоченного

Лишь на основании норм ст. 4 и 5 указанного закона Уполномоченный имеет права обжаловать судебный акт, в том числе приостановить судебное производство в виде предписания (п. 5 ч. 1 ст. 5 № 78-ФЗ). Введение процессуальных действий на основе принципов доказательности, допустимости, относимости, по нашему мнению, позволит уйти от так называемого «посредничества», восполнить и актуализировать правозащитную роль института Уполномоченного. В связи с этим предлагается привести ст. 4 в соответствие с ч. 1 ст. 2 № 78-ФЗ дополнением полномочия о вынесении (экспертов Института) предписаний в защиту и восстановление прав, ввести п. 8 ч. 5 ст. 4, в частности: «Направить предписание о недопустимости нарушений лицу, виновному в нарушении прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности».

В качестве положительной практики в августе 2017 г. в отношении одной из медицинских организаций

г. Пскова прекращена внеплановая проверка. Уполномоченный установил признаки нарушения (ст. 25 № 135-ФЗ), анонимности и недостоверности сведений заявителя, умысла недобросовестных конкурентов.

В марте 2017 г. Уполномоченным представлено заключение (на основании ст. 46, 48, 69 ГПК РФ) о несоответствии величины арендной платы за недвижимое имущество федеральным стандартам. В результате апелляционным судом было вынесено постановление о признании недействительным уведомления государственного учреждения о повышении арендной платы и об установлении обязанности учреждения произвести расчет арендной платы.

Несмотря на положительный результат, судебные тяжбы предпринимателя спровоцировали предпринимательские риски и упущения экономической выгоды, другими словами, материальный ущерб, которые, по сути, требуют компенсации, что в решении суда не усматривается. Отсюда напрашивается

вывод лишь о защите и восстановлении прав, но без компенсационного свойства. Очевидно, что согласно ст. 181 АПК РФ заявитель — потерпевшая сторона имеет право обжаловать решение или согласно ст. 4 АПК РФ подать иск на возмещение материального ущерба, но требует дополнительных рисков от предпринимателя. Поэтому данная проблема требует внесения уточнений в нормы законов № 294, № 78 и АПК РФ. При этом на основе рассмотренных ежегодных отчетов Уполномоченного за период 2015–2017 гг. наблюдается недостаточная деятельность в отношении индивидуальных предпринимателей, что подтверждает низкую результативность правозащитной деятельности (рис. 2). Поэтому уместно актуализировать и привести в соответствие со ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹⁵ ч. 4 ст. 4 областного закона¹⁶ Псковской области. В частности, внести в

¹⁵ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». ■ ¹⁶ Закон Псковской области об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Псковской области от 9 ноября 2012 г. № 1217-оз (с изм. от 10.02.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

ч. 4 ст. 4 уточнение: «Обеспечение равенства субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе индивидуальных предпринимателей, в том числе при рассмотрении их заявлений / или жалоб...» Данное предложение позволит разрешить «остаточный и дискриминирующий принцип» в отношении индивидуальных предпринимателей при правозащитной деятельности Уполномоченным.

В заключение сформулируем основные положения. Осуществлена попытка раскрыть правовую природу категории «правозащитная деятельность» в целях объективного правопонимания и признаков правообеспечения и защиты прав предпринимателей. Выявлены особенности судебной и административной форм защиты, свойства юридических действий как «представительские и экспертные функции» Уполномоченного; особенности взаимодействия с государственными / муниципальными

органами контрольно-надзорной деятельности в качестве запросов, сотрудничества, в целом комплекс правообеспечительных и правозащитных мер. В свою очередь, выявлена проблема отсутствия защиты прав компенсационного свойства по итогам контрольно-надзорной деятельности в отношении предпринимательства. Представлен ряд проблем и предложений по их оптимизации. В частности, в отношении норм: ст. 4 № 135-ФЗ о внесении принципа «необоснованные конкурентные преимущества», включение формулировки «систематически профессиональную деятельность, приносящую прибыль» в ч. 5 ст. 4 Закона № 135-ФЗ, ч. 1 ст. 10 ГК РФ о дополнении формулировки «создание потенциальности наступления правонарушения / или нанесения вреда / или рисков / или убытков». На примере Псковской области анализ снижающей динамики защиты прав ИП институтом Уполномоченного позволил

выявить проблему ограниченности исполнения полномочий и внести предложение о приведении ст. 4 в соответствие со ст. 2 № 78-ФЗ дополнением полномочия вынесения предписаний о недопустимости нарушений. Дано подтверждение тезиса «отсутствие восстановления прав компенсационного свойства» и необходимости поправок норм законов № 294, 78 и АПК РФ. Дано подтверждение в отношении снижающего тренда в силу применения принципа «остаточности» и низкой актуальности в защите прав индивидуальных предпринимателей и предложены рекомендации в ч. 4 ст. 4 областного закона Псковской области. В целом на основе выявленных положений, проблем и предложений следует императив корреляции правообеспечительных и правозащитных мер во избежание «представительских и экспертных функций» Уполномоченным как гарантом защиты прав индивидуальных предпринимателей. [ЮМ](#)

Литература

1. Курбатов А. Защита прав и законных интересов предпринимателей в публичных отношениях: порядок реализации и проблемы правоприменения / А. Курбатов // Российское право. 2013. № 1. С. 1–45.
2. Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации: монография / М.В. Мархгейм. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2006. 111 с.
3. Сологуб А.Ю. Понятие «правовая защита» / А.Ю. Сологуб // Юридические науки. Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 351–354.

Этика юристов в контексте морали современного общества

Как известно, этика юриста обеспечивает эффективное взаимодействие юристов в различных направлениях юридической деятельности. Морально-этические нормы, закрепленные в федеральных законах и профессиональных кодексах, определяют профессиональное сознание и поведение юриста во время службы и вне ее. В этом случае возникает вопрос об актуальности самого морально-нравственного содержания норм, определяющих действенность или бездейственность морально-этических кодексов внутри профессионального коллектива, группы или сообщества в целом. Этот аспект также находит отражение во взаимоотношениях юристов с обществом в целом. При изучении текстов профессиональных кодексов субъектов юридической деятельности бросается в глаза различие между реальным морально-нравственным содержанием представителей

**Бондаренко
Людмила Константиновна,**
доцент Северо-Кавказского
филиала
Российского государственного
университета правосудия,
доктор филологических наук
sichaykin@mail.ru

**Bondarenko
Lyudmila K.**
Associate Professor
of the North-Caucasian Branch
of the Russian State University
of Justice
Doctor of Philology

юридических профессий и морально-этическими требованиями, закрепленными в профессиональных кодексах.

За последнее время вопросам соблюдения профессиональной этики государственных служащих в Российском государственном аппарате придается особое значение. В фокусе внимания общества (с 2008 по 2018 г.) оказываются

антикоррупционная политика государства¹. Это стало особенно важным явлением в условиях изменения международного положения Российской Федерации после 2014 г.²

Наложение санкций на Российское государство коснулось всех сфер государственной службы, в том числе и правоохранительных органов. В этих условиях особое значение приобрела ротация кадрового состава. По известной автору информации, неугодные лица легко смещаются, увольняются по формальным причинам несоответствия их морально-нравственным требованиям³. Так, в случае ненадлежащего вида (прихода на работу неугодного руководству государственного служащего без формы) служащий может быть уволен как лицо, неуважительно относящееся к атрибутам правоохранительных органов. В этом случае наличие смешения понятий «этика» и «этикет», где этика имеет от-

¹ За получение взяток и совершение преступлений начиная с 2012 г. были лишены должностей, свободы и имущества, приобретенного противозаконным способом: чиновница Министерства обороны Е. Васильева (2012 г.), которая прокручивая коррупционные схемы, нанесла ущерб государству на 650 миллионов рублей; зам. начальника управления собственной безопасности Следственного комитета А. Ламонов, которого обвиняли в освобождении из-под стражи криминального лидера, известного как «Итальянец»; губернатор Кировской области Никита Белых за взятку в 400 тысяч евро; глава Коми В. Гайзер (2015 г.), который организовал преступную группировку; губернатор Сахалинской области А. Хорошавин, которого обвиняли в коррупционных махинациях на сумму более 500 миллионов рублей (2015 г.); генерал-лейтенант Д. Сугробов, руководитель антикоррупционным управлением МВД, его обвинили в создании преступного сообщества (2014 г.). В 2013 г. был арестован мэр Ярославля Е. Урлашов. Его заподозрили в вымогательстве 14 миллионов рублей у местных бизнесменов. На «крышевании» подпольного казино попался бывший первый заместитель прокурора Московской области А. Игнатенко, по оперативным данным, стоимость его услуг составила 48 миллионов рублей; руководитель Федеральной таможенной службы А. Бельянинов; полковник МВД Д. Захарченко, у которого было обнаружено несколько миллиардов рублей (2016 г.); губернатор Удмуртской Республики Соловьев (2017 г.), который получил от предприятия, которому в результате был передан государственный заказ на строительство двух мостов через реки Кама и Буй, почти 140 миллионов рублей и активы этой организации на сумму более 2,5 миллиона рублей (примеч. автора). Самое крупное коррупционное дело связано с Д. Захарченко, главой управления «Т» антикоррупционного главка МВД России, который попался на взятке в 7 миллионов рублей. В ходе обыска была обнаружена валюта на общую сумму 9 миллиардов рублей, еще 22 миллиарда были обнаружены на оффшорных счетах, принадлежащих его отцу (2016 г.) // Самые громкие коррупционные скандалы в России. URL: <https://www.kp.ru/daily/>; Коррупционные скандалы – ТАСС (дата обращения: 02.02.2018). ■ ² Противозаконные действия высокопоставленных чиновников имели разрушительный характер как для экономики, так и российской государственности, так как представляли реальную угрозу национальной безопасности. Действия данных лиц наносили значительный урон общественной морали и нравственности (примеч. автора). ■ ³ Из беседы автора с работающими по специальности магистрантами в СКФ «РГУП» (октябрь 2018 г., г. Краснодар).

ношение к соблюдению морально-этических норм в служебной деятельности, а этикет — к коммуникации, т.е. соблюдению внешних правил поведения в процессе общения.

Требование к нормативному поведению охватывает как служебную этику, так и этикет. Однако этикет как форма коммуникации не может иметь в служебной деятельности большего значения, чем этика. В некоторых случаях уважительное отношение к мундиру как атрибуту определенного статуса и положения личности в обществе не может компенсировать моральную нечистоплотность государственного служащего. В связи с этим представляется, что в случае нарушения служащим этикета должно быть вынесено моральное порицание, в случае нарушения требований и предписаний — возбуждение дисциплинарного производства, что и предусмотрено в профессиональных кодексах юристов.

При написании профессиональных кодексов, после 2010 г., были учтены реалии нового времени и соблюдено соотношение идеального — должного и актуа-

льного — сущностного. Например, требование толерантности является признаком профессиональной компетентности юристов на современном этапе, которые должны быть терпимы к социокультурному статусу лиц, втянутых в правоотношения⁴. Таким образом, дифференцирующие факторы (национальность, пол, возраст, происхождение, материальное положение, социальный статус человека) имеют большей частью информационный характер, значимый в определении личностных качеств и свойств человека.

В служебной этике большое внимание обращается на формальную сторону — соблюдение или несоблюдение государственными служащими прав и обязанностей гражданина и человека в условиях судопроизводства. В этом плане профессиональные кодексы действительно формируют профессиональное сознание юристов, определяя их поведение и деятельность во время службы и вне ее.

Вместе с тем в профессиональной этике юристов выделяется проблема корреляции этических стандартов, составляющих основу

профессионального мировоззрения. Наиболее проблемным аспектом является корреляция морально-этических норм юридической этики с концепциями современного общества. Судя по известным фактам, это действительно является проблемой в развитии профессионального сознания современных юристов на современном этапе, что отражено в ряде федеральных законов начиная с 2004 г.⁵

В этом плане профессиональная этика юристов представляет собой своеобразный историко-культурный срез развития общественной морали в ее противоречиях и компромиссах, достигаемых в результате борьбы политических элит за идеологическое влияние на массы. С этой точки зрения в профессиональных кодексах юристов в последней редакции (преимущественно после 2010 г. — время выхода Типового кодекса государственного служащего⁶) просматриваются одновременно морально-этические установки позднего советского периода (середина 80-х — начало 90-х годов), называемого в российской культуре периодом позднего модернизма; пост-

⁴ Кодекс судейской этики (с изменениями от 08.12.2016). URL: <https://www.ksrf.ru/ru/info/legalbases/kodeks/documents/kodeks.pdf>; Кодекс этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего органов прокуратуры Российской Федерации от 25 марта 2011 г. № 79. URL: <https://1zakon.su/wp-content>; Кодекс профессиональной этики адвоката (с изменениями и дополнениями, утвержденными на 20.04.2017). URL: https://fparf.ru/documents/normative_acts/1059/; Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (по состоянию на 08.09.2017). URL: <https://legalacts.ru/doc/> (дата обращения: 20.12.2018).
⁵ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»; Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». (В редакции федеральных законов от 22.12.2014 № 431-ФЗ, 03.11.2015 № 303-ФЗ, 28.11.2015 № 354-ФЗ, 28.12.2016 № 505-ФЗ.) Отражено это также в указах Президента РФ (Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 (ред. от 19.09.2017) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов»; Указ Президента РФ от 21.07.2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции», 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и пр.) // СПС «КонсультантПлюс». ⁶ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен Решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 211)). URL: <https://kodeks.systecs.ru/upk-rf/> (дата обращения: 12.02.2018) (далее — Типовой кодекс госслужащих).

советского периода (90-е годы), включающего транзитивный — перестроечный период (конец 90-х годов); постмодернистского периода — 2000–2010 гг., который иногда обозначается со стороны западных философов и политологов как период «этического капитализма»⁷ (что можно увидеть в политической, экономической и культурной жизни современного российского общества последних лет), и собственно новейший период, который называется периодом цифровой экономики, представляющий собой новую общественную парадигму.

Таким образом, профессиональная этика юристов содержит в себе несколько морально-этических концепций, отражающих актуальные тенденции в общественной морали. В ней выделяется официальная идеология, исходящая из правящего класса, направленная на поддержание политического режима, определяющего характер главным образом правовых и экономических отношений; актуальные морально-нравственные установки современного российского общества и собственно профессиональная мораль, обусловленная спецификой юридической деятельности.

В случае корреляции морально-этических норм юридической этики с концепциями современного общества привлекает внимание проблема разнообразия морально-

этических систем, бытующих в современном российском обществе.

Если ранее поляризация конкурирующих между собой морально-нравственных систем осуществлялась по критерию времени: по отношению к прошлому или будущему («прогресс — регресс», что получило образное воплощение в противоречиях между «отцами и детьми» и пр.), то в настоящее время критерии оценки морально-нравственной системы имеют многовекторный характер. Каждая актуальная система общественно приемлемых этических норм основывается на прагматике, т.е. исходит из фактора общественной необходимости или целесообразности, что, по большому счету, исключает всеобщность некоторых традиционных морально-этических норм⁸. Например, как приверженность каким-либо моральным авторитетам поклонение старшим рода независимо от их материального положения либо определенной системе морально-нравственных ценностей, которая актуальна в определенных социальных группах населения российского общества.

С одной стороны, многоукладность российского общества является основой традиционной морали, служа сплоченности общества. С другой — традиционный образ жизни входит в противоречие с требованиями времени — рационального перераспределения со-

циального времени. Главным образом это связано с противоречиями между личностью, интегрированной в цифровую реальность, и морально этическими требованиями традиционной (семейной, клановой, родовой, этнической) морали, требующей выполнения обязательств перед определенной группой.

Вышедший на первый край фактор целесообразности (цель — эффективное использование социального времени), тем не менее не исключает в российской общественной практике разработанных ранее гуманистических принципов, а демонстрирует характерное семантико-символическое слияние традиционных и инновационных морально-этических ценностей, становясь, в свою очередь, новой морально-этической нормой — мифологической синкретикой⁹, которая формирует актуальные морально-этические образы, способные влиять на общественное сознание, в том числе и на профессиональную этику юриста.

В связи с этим следует отметить, что практическая юриспруденция в процессе расширения зоны морально-нравственных отношений в российском обществе играет не последнюю роль в инновационных тенденциях общественного сознания. Например, именно право натурализует гражданский статус клонированных

⁷Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 384. ■ ⁸ Например, ранее, в 80–90-х годах XX в., клонирование человека воспринималось в рамках естественно-гуманистической концепции как разрушение в рамках биоэтики — этики жизни. В этом случае клонирование человека имело для общества больше психологическую и морально-этическую проблему, чем правовую. Но уже во втором десятилетии XXI в. данная тема воспринимается в российском обществе как одна из технологий жизни, на уровне ЭКО. В рамках правовых отношений характер зачатия человека, т.е. технология жизни человека, имеет вторичное значение. Напротив, большую силу приобретает материальная сторона зачатия — биологические материалы, послужившие основой рождения человека. Биологические материалы, как известно, могут стать фактической основой возникновения гражданских прав в будущем. Например, право на отцовство, материнство, определенное имя и фамилию, право на наследование имущества и прочие гражданские права и свободы человека и гражданина. ■ ⁹ Понимается в данном случае как единый «мыслеобраз» — образ морально-этического знания и морально-нравственных чувств (примеч. автора).

наследников от умерших родителей, что с точки зрения традиционной морали выглядит неоднозначно. В этом случае юриспруденция не отстает от биоинженерии, закрепляя на символическом и практическом — правовом, т.е. универсальном цивилизованном уровне гражданских отношений, гуманистические достижения всего человечества. Так, наука (наукоемкие области) во всем спектре естественных отраслей создает новые объекты права и новых субъектов права.

Также успешно, исходя из прагматических соображений, юриспруденция реализует оборот собственности, его хранение, передачу и наследование в интересах новых нетипичных субъектов собственности, например домашних питомцев, как это было в ряде западных стран в конце XX в.¹⁰

Право как форма общественного сознания опирается на формальные морально-этические нормы, которые поглощают сложные морально-нравственные проблемы, давая возможность развитию формального института гражданских прав. В результате в современном обществе, хотя завещания в пользу домашних питомцев (собак) как титульных собственников (в ряде западных стран) осуждаются с точки зрения традиционной морали, в праве они принимаются в качестве законных, т.е. основанных на реализации законного волеизъявления наследодателя. Это объективно отражает уровень раз-

вития правоотношений в обществе в целом.

Современные юристы, регулируя общественные правоотношения, в частности оборот гражданских прав и состояний, исходят из формального права, в некоторых случаях даже противоречащих гуманистическим принципам. (Например, в случае защиты формальных интересов собственника-отца, отказывающего в совместном проживании на своей жилплощади своей бывшей жене с малолетним ребенком, или интересы крупного землевладельца, изгоняющего на основе формального права коренное население, издавна проживающее на данной территории¹¹, соответственно, обладающее естественным правом на землю.) Однако данный фактор не может восприниматься однозначно негативно или позитивно, так как право, которое имеет универсальный формальный характер, необходимо для регуляции всей массы (общих и частных) общественных отношений.

Таким образом, право идет вслед за развитием науки, экономики, политики и в целом за развитием общественных отношений, расширяя тем самым спектр юридической деятельности. Мораль же остается на уровне переживания этой реальности. Однако эти переживания имеют большое значение в деятельности юристов.

Внутреннее морально-нравственное содержание субъектов юридической деятельности рас-

крывается в процессе правоохранительной и правоприменительной деятельности, фиксируясь в виде конкретного документа — постановления, определения, приговора, экспертного заключения, решения, ходатайства, жалобы, апелляции и пр. Моральная сторона деятельности, в данном случае внутреннее убеждение, охраняется законом¹² как моральное и процессуальное право судьи, следователя, прокурора, дознавателя принимать правильные решения, не противоречащие их совести — чувству внутренней правды. Эта моральная сторона определяет сущность личности юриста, его профессиональную пригодность или непригодность. В этом случае велика роль профессиональных кодексов современных юристов, которые могут влиять на внутреннее убеждение юристов, способствуя принятию обоснованных и справедливых решений. Это определяет значение прикладной профессиональной этики юристов.

На основе исследования можно сделать следующие выводы.

1. Формализация общественных отношений привела, с одной стороны, к усилению позиции права как формы общественного сознания, с другой — к снижению роли общественной морали как регулятора поведения членов общества.

2. В профессиональных кодексах субъектов юридической деятельности сосредоточены морально-этические знания о современном обществе, о месте юристов

¹⁰ Элизабет Тейлор — американская киноактриса, которая составила завещание в пользу своего питомца. ■ ¹¹ Судебная практика изобилует подобными спорами во всех видах судопроизводства. Например, многолетний судебный спор кандидата в президенты от партии коммунистов миллиардера П. Грудина с работниками совхоза — пайщиками земли совхоза им. Ленина в Подмоскowie // ГТБК «Россия-1». Передача «Вести». 2018. 22 февраля; ГТБК «Первый». Передача «Человек и закон». 2018. 3 марта. ■ ¹² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 26.12.2018).

в системе общественных отношений.

3. Соблюдение морально-этических норм в правоприменительной и правоохранительной деятельности является необходимым

условием профессионального развития юристов в современных условиях.

4. Требования к морально-нравственной культуре юристов являются необходимым звеном в развитии

правоотношений в российском обществе.

Таким образом, подчеркивается актуальный характер морально-этических норм, закрепленных в профессиональных кодексах. [ЮМ](#)

Литература

1. Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецов. М. : ИНФРА-М, 2005. 731 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. М. : АСТ, 2010. 795 с.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА оформления статей и иных материалов, направляемых для опубликования в журналах Издательской группы «ЮРИСТ»

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, в конце каждой страницы, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц, что соответствует 20 000 знаков (с учетом сносок и пробелов) (далее — Статья). К рассмотрению не принимаются Статьи, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления Статьи в несколько изданий в дальнейшем Статьи автора не будут приниматься к рассмотрению.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его Статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на Статью заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-uthors/policy/>. Перед направлением в редакцию Статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист». Статьи, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

Правовые ограничения цифровизации научной деятельности*

Цифровизация за последние несколько лет стала общемировым трендом, который охватывает практически все сферы экономики, в том числе и научные исследования. В преамбуле Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве его цели в первую очередь указано «*прорывное научно-технологическое развитие Российской Федерации*».

Достижение данной национальной цели связано не только с внедрением, использованием (применением) и развитием в рамках научно-исследовательской деятельности современных прорывных цифровых информационных технологий, но и с устранением существующих правовых и организационных барьеров для их внедрения и использования.

При этом в настоящее время имеет место *фрагментарность задач выявления барьеров цифровизации в отношении науки* в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, и планах мероприятий по ее реализации. В рамках данной

**Ефремов
Алексей Александрович,**
ведущий научный сотрудник
Центра технологий
государственного управления
Института прикладных
экономических исследований
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации (РАНХиГС),
кандидат юридических наук,
доцент
efremov-a@ranepa.ru

Efremov Aleksey A.
Leading Research Scientist
of the Center for Public
Administration Technologies
of the Institute of Applied Economic
Research of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor

программы и принятых в ее развитие планах имеет место недостаточно согласованное использование категорий «барьеры» и «ограничения». Они рассматриваются как *правовые, регуляторные, законодательные*, но при этом отсутствуют нормативное определение их содержания, а также различия между барьерами и ограничениями. Например, План мероприятий по направлению «Формирование

исследовательских компетенций и технологических заделов», утвержденный Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2) предусматривает формирование предложений *по корректировке (при необходимости) нормативных правовых актов и нормативно-технических требований (в том числе международных), устраняющих барьеры* международного научно-технического сотрудничества для проведения опережающих исследований и разработок по направлениям «сквозных» технологий.

В российских научных публикациях, посвященных вопросам правового регулирования и цифровизации науки, проблема выявления и устранения барьеров для ее проведения, как правило, не рассматривается¹.

Для решения задачи выявления и устранения правовых и организационных барьеров цифровизации в науке может быть полезна подготовленная с участием автора *Методика выявления правовых и организационных барьеров цифровизации*². Настоящее исследование проведено на ее основе.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы, выполняемой в рамках государственного задания РАНХиГС 2018 г. ■ ¹ Салицкая Е.А. Законодательное регулирование научной и инновационной деятельности: опыт субъектов РФ // Наука. Инновации. Образование. 2015. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-nauchnoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti-opyt-subektov-rf>; Чеботарева Е.Э. Научные исследования в контексте цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5. № 11. С. 36–41. ■ ² Южаков В.Н., Ефремов А.А. Правовые ограничения и стимулы цифровизации: подходы к методике выявления и устранения // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании / IV Московский юридический форум, XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. Ч. 4. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 188–196.

Оно основывается на определении базовых понятий, «шагов» по выявлению правовых и организационных барьеров, «зон поиска» барьеров, исследуемых параметров отрасли науки и требований к поиску (выявлению) барьеров.

В рамках настоящего исследования *информатизация науки* — это целенаправленное совершенствование работы с информацией (ее сбором, хранением, передачей, обработкой, применением) в рамках как самого процесса научного исследования, так и деятельности научной организации.

Цифровизация науки — информатизация науки на основе замещения аналоговых технологий работы с информацией прорывными информационными технологиями (далее — ИТ) — цифровыми технологиями (далее — ЦТ).

При этом к прорывным ЦТ в соответствии с положениями Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, в рамках настоящего исследования отнесены обработка больших объемов данных, облачные вычисления, технологии искусственного интеллекта.

Цифровая трансформация науки — качественное изменение как процесса научного исследования, так и деятельности научной организации на основе освоения прорывных ЦТ.

Правовые барьеры в сфере цифровой трансформации — положения НПА, приводящие к ограничениям разработки, создания, внедрения, применения (исполь-

зования) цифровых технологий *на всех этапах существования организации* — от ее создания до ликвидации или реорганизации, *на всех этапах инновационного цикла; на всех этапах (стадиях) информационного цикла.*

Организационные барьеры в сфере цифровой трансформации — существующие практики и механизмы государственного управления и организационного управления, в том числе стратегического планирования, приводящие к ограничениям разработки, создания, внедрения, применения (использования) информационных технологий на всех стадиях вышеуказанных циклов.

Исследование по выявлению правовых и организационных барьеров цифровизации в науке в соответствии с указанной методикой включает в себя следующие шаги:

- систематизацию «повесток цифровизации» отрасли;
- выявление потенциала, фактического состояния, рисков внедрения и применения (использования) ЦТ в соответствующей отрасли;
- уточнение возможных типов отраслевых барьеров;
- выявление отраслевых барьеров на уровнях документов стратегического планирования РФ и субъектов РФ (организационные барьеры), законодательства и подзаконных нормативных правовых актов РФ и субъектов РФ (правовые барьеры).

«Зонами поиска» в рамках настоящего исследования являются *цифровизация соответствующей отрасли в целом, уровни (этапы)*

развития ИТ, направления ЦТ (развитие технологии обработки больших объемов данных; технологии облачных вычислений; искусственного интеллекта); *отдельные универсальные и отраслевые приложения ЦТ* (создание и ведение специализированных информационных систем в сфере науки, использование в процессе научного исследования больших данных, технологий искусственного интеллекта и т.п.). Поиск охватывает все этапы жизненного цикла научной организации и процесса научного исследования.

В настоящее время процессы цифровизации и цифровой трансформации науки в международных организациях, в том числе ЕС и ОЭСР, реализуются и исследуются в рамках формирования и развития так называемых *цифровых исследовательских инфраструктур* (англ. — *Digital Research Infrastructures*). Европейский стратегический форум по исследовательским инфраструктурам (European Strategy Forum on Research Infrastructures — ESFRI) был создан в 2002 г.³ 11 сентября 2018 г. в Вене в соответствии с австрийским председательством в Совете Европейского союза официально представлена новая «Дорожная карта» Форума 2018 г., в которой определено, что открытый доступ к научным ресурсам и услугам для всех ученых в Европе является общей целью всех инфраструктур в дорожной карте Форума.

Одним из ключевых проектов по цифровизации научных исследований в рамках Европейского стратегического форума по исследовательским инфраструкту-

³ European Strategy Forum on Research Infrastructures (ESFRI). URL: <https://ec.europa.eu/research/infrastructures/index.cfm?pg=esfri>

рам является Цифровая исследовательская инфраструктура для искусств и гуманитарных наук (Digital Research Infrastructure for the Arts and Humanities – DARIAH)⁴ — европейская инициатива, целью которого являются усиление и поддержка исследований и преподавания в цифровой форме в области искусств и гуманитарных наук. Эта исследовательская инфраструктура состоит из четырех компонентов: обучения, исследований, исследовательских данных и технических модулей⁵.

В ОЭСР в рамках направления «Наука, технологии и инновации» выделено отдельно направление «Наука в цифровом мире»⁶. В рамках данного направления в 2017 г. опубликованы доклады о формировании политики «Цифровые платформы для содействия доступа к исследовательским инфраструктурам»⁷ и «Открытое определение повестки исследований»⁸.

В зарубежных научных исследованиях отмечаются возможные последствия применения технологии больших данных для инфраструктуры исследований и данных⁹, в том числе проблемные вопросы, связанные с доступом к данным и публикациям результатов научных исследований, моделями данных и их совместимостью, конфиденциальностью данных и этикой исследований.

По мнению А. Бриггса¹⁰, применение технологий искусственного интеллекта в науке приведет к изменениям, которые будут столь же значительными, как применение науки к технологиям, которые создали промышленную революцию. По мнению Н. Коллинса¹¹, в академической издательской индустрии разрабатываются и внедряются технологии, основанные на искусственном интеллекте, для оказания помощи как авторам, так и издателям в решении вопросов, связанных с экспертной оценкой, поиске опубликованного контента, обнаружении плагиата и идентификации создания данных.

В рамках проведенного исследования выделены 3 общих типа правовых и организационных барьеров:

- ограничения *информатизации* науки (наиболее типичными здесь являются нормативно установленные требования о предоставлении, использовании или хранении бумажных носителей различных документов, требования о личном присутствии при совершении каких-либо действий);
- ограничения *цифровизации* науки (запреты либо отсутствие нормативно определенного порядка использования ЦТ);
- ограничения *цифровой трансформации* науки (изменение порядка создания и деятельности научной организации, процесса научных исследований).

В ходе исследования с помощью справочной правовой системы «КонсультантПлюс» проведен анализ документов стратегического планирования и действующего законодательства РФ и субъектов РФ, подзаконных нормативных правовых актов в сфере науки, в результате которого выявлена общая ориентация на осуществление цифровой трансформации науки. Однако имеет место недостаточная конкретизация программных мероприятий, критериев и показателей эффективности и результативности внедрения и применения (использования) ЦТ.

При этом государственные программы субъектов РФ в сфере развития науки, научной, научно-технической и инновационной деятельности или научно-инновационного развития (в настоящее время действуют в 5 субъектах РФ) не содержат конкретных целей, задач, критериев и показателей цифровизации или цифровой трансформации отрасли науки, развития, внедрения, применения (использования) ИТ, в том числе ЦТ.

Федеральное законодательство РФ о науке в целом также ориентировано на традиционное информационное обеспечение, но при этом отсутствует правовое регулирование применения ЦТ.

Для законодательства субъектов РФ о науке характерна значи-

⁴ Blümm M., Schmunk S. Digital Research Infrastructures: DARIAH // Münster S., Pfarr-Harfst M., Kuroczyński P., Ioannides M. (eds). 3D Research Challenges in Cultural Heritage II. Lecture Notes in Computer Science. 2016. Vol. 10025. ■ ⁵ DARIAH — Digital Research Infrastructure for the Arts and Humanities. URL: <https://www.dariah.eu> ■ ⁶ Science in a digital world // OECD. URL: https://www.oecd.org/sti/message_c1479_20180118-100403.html ■ ⁷ Digital Platforms For Facilitating Access To Research Infrastructures. OECD Science, Technology And Innovation policy papers. 2017. № 49. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/digital-platforms-for-facilitating-access-to-research-infrastructures_8288d208-en ■ ⁸ Open research agenda setting. OECD Science, Technology And Innovation Policy Papers. 2017. № 50. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/open-research-agenda-setting_74edb6a8-en ■ ⁹ Cope B., Kalantzis M. Big Data Comes to School. Implications for Learning, Assessment, and Research // AERA Open. 2016. Vol. 2, 2. ■ ¹⁰ Briggs A. Why Artificial Intelligence will enable new scientific discoveries. 2017. URL: <https://www.graphcore.ai/posts/why-artificial-intelligence-will-allow-us-to-make-new-scientific-discoveries> (дата обращения: 31.10.2018). ■ ¹¹ Collins N. How artificial intelligence is changing science. 2018. URL: <https://news.stanford.edu/2018/05/15/how-ai-is-changing-science/>

тельная фрагментарность закрепления элементов механизма правового регулирования применения ИТ:

— цели правового регулирования в сфере ИТ — 1 субъект РФ;

— принципы научной деятельности — 1 субъект РФ; принципы научной политики (принципы государственного регулирования научной деятельности) — 9 субъектов РФ;

— механизм интеграции науки и образования на основе ИТ — 1 субъект РФ;

— полномочия ИОГВ субъекта РФ по обеспечению свободы доступа к научной и (или) научно-технической информации — 5 субъектов РФ;

— право субъектов научной и (или) научно-технической деятельности на обмен информацией — 9 субъектов РФ;

— обязанность ИОГВ субъекта РФ по обеспечению создания информационных фондов и систем в области науки и техники — 9 субъектов РФ;

— отсутствие правового регулирования применения прорывных ИТ.

В подзаконных НПА РФ и субъектов РФ также выявлены барьеры информатизации — требования об использовании бумажных носителей либо одновременном использовании бумажных носителей и электронной формы:

— при организации советов по защите диссертаций на соискание ученой степени;

— формировании перечня рецензируемых научных изданий;

— организации проведения стажировок специалистов научных организаций;

— проведении конкурсов на соискание премий в сфере науки и инноваций;

— предоставлении грантов в сфере науки.

На основе проведенного анализа для устранения правовых и организационных барьеров цифровизации в каждой из отраслей разработаны следующие предложения.

Для устранения организационных барьеров цифровизации в сфере науки в рамках национального проекта «Наука» и входящих в него проектов (программ) предлагается предусмотреть:

— задачи, мероприятия, целевые индикаторы в отношении цифровизации научно-исследовательского процесса, а также применения прорывных ЦТ в управлении наукой, деятельности научных организаций;

— *указанные задачи, мероприятия, целевые индикаторы и показатели должны быть декомпозированы и включены в государственные программы развития науки субъектов РФ.*

Для устранения правовых барьеров цифровизации науки в проекте Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» (2018 г.) предлагается предусмотреть:

— порядок применения отраслевых приложений прорывных ЦТ, в том числе цифровых платформ, облачных вычислений (технологий), технологий обработки больших объемов данных, открытых данных, технологий искусственного интеллекта, технологий распределенного реестра;

— механизм интеграции науки и образования на основе ЦТ, в том числе межмашинного взаимодействия информационных систем в сфере науки и образования;

— запрет на дублирование форм предоставления и хранения документов;

— переход на исключительно электронную форму хранения результатов научных исследований с возможностью обработки данной информации технологиями больших данных и искусственного интеллекта.

Реализация указанных предложений, по нашему мнению, позволит устранить имеющиеся правовые ограничения для успешной цифровизации и цифровой трансформации науки в Российской Федерации. [ЮМ](#)

Литература

1. Салицкая Е.А. Законодательное регулирование научной и инновационной деятельности: опыт субъектов РФ / Е.А. Салицкая // Наука. Инновации. Образование. 2015. № 18. С. 111–137.
2. Чеботарева Е.Э. Научные исследования в контексте цифровой экономики / Е.Э. Чеботарева // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5. № 11. С. 36–41.
3. Южаков В.Н. Правовые ограничения и стимулы цифровизации: подходы к методике выявления и устранения / В.Н. Южаков, А.А. Ефремов // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании / IV Московский юридический форум, XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. Ч. 4. М. : РГ-Пресс. 2017. С. 188–196.

References

1. Blümm M. Digital Research Infrastructures: DARIAH / M. Blümm, S. Schmunk // 3D Research Challenges in Cultural Heritage II. Lecture Notes in Computer Science / eds.: S. Münster, M. Pfarr-Harfst, P. Kuroczyński, M. Ioannides. Springer, 2016. P. 62–73.
2. Briggs A. Why Artificial Intelligence will enable new scientific discoveries / A. Briggs. URL: <https://www.graphcore.ai/posts/why-artificial-intelligence-will-allow-us-to-make-new-scientific-discoveries> (дата обращения: 31.10.2018).
3. Collins N. How artificial intelligence is changing science / N. Collins. URL: <https://news.stanford.edu/2018/05/15/how-ai-is-changing-science/>
4. Cope B. Big Data Comes to School. Implications for Learning, Assessment, and Research / B. Cope, M. Kalantzis // AERA Open. 2016. Vol. 2. Iss. 2. P. 1–19.

В соответствии с Распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р информационно-аналитический общеправовой журнал «Юридический мир» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки);

12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки);

12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки);

12.00.11 — Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки);

12.00.14 — Административное право; административный процесс (юридические науки).

Причины и механизм подмены прокуратурой функций органов государственного контроля*

В настоящее время наряду с вопросами о достаточности полномочий прокурора обсуждаются причины подмены прокуратурой иных государственных органов или дублирования их функций.

В деятельности прокуратуры г. Махачкалы Республики Дагестан такие проблемы возникают часто, и насколько успешно удается разрешать их в рамках действующего законодательства, свидетельствуют материалы прокурорских проверок, а также регулярно проводимые в соответствии с требованиями организационно-распорядительных документов анализы и обобщения.

На поднадзорной территории наиболее распространены нарушения законов в сфере градостроительства как на стадии получения разрешительной документации, так и при сдаче возведенного строительного объекта в установленном порядке в эксплуатацию.

Государственным органом, уполномоченным осуществлять контрольно-надзорную деятельность в названной сфере, является Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Республики Дагестан (Минстрой). Соответственно, его структурные подразделения, используя все предоставленные законом полномочия, должны обеспечивать исполнение требований градострои-

Магомедов
Магомед Абдулкадирович,
прокурор города Махачкалы
Республики Дагестан,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
старший советник юстиции,
кандидат юридических наук
prok-makhachkala@mail.ru

Magomedov
Magomed A.
Prosecutor of Makhachkala
of the Republic of Dagestan
Senior Counsellor of Justice,
Candidate of Legal Sciences
Honored Lawyer
of the Russian Federation

тельного законодательства. Однако в силу ряда причин как объективного, так и субъективного характера отмечается рост количества выявляемых органами прокуратуры нарушений законов в этой сфере. Так, если в первом полугодии 2017 г. прокуратурами г. Махачкалы и внутригородских районов было выявлено 256 нарушений законов о градостроительной деятельности, то в аналогичном периоде 2018 г. — 439. За два предшествующих года только прокуратурой города в целях обеспечения устранения допущенных в названной сфере нарушений законов внесено 26 представлений, к дисциплинарной ответственности привлечено 32 лица, принесено 143 протеста, в суд направлено 72 исковых заявления, к административной от-

ветственности привлечено 17 лиц, объявлено 4 предостережения. В ноябре 2017 г. в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, для решения вопроса об уголовном преследовании в следственные органы направлены материалы в отношении главного архитектора и других должностных лиц администрации города, по результатам рассмотрения которых по ч. 1 ст. 293 УК РФ было возбуждено уголовное дело.

На наш взгляд, повторяющиеся из года в год в основном однотипные многочисленные нарушения законов являются результатом ненадлежащего исполнения своих служебных обязанностей должностными лицами муниципальных образований и государственных контрольно-надзорных органов, наделенных законом правом принимать своевременные меры по их предотвращению.

К примеру, выявив в ходе проверок существенные нарушения законов в градостроительной деятельности, в целях обеспечения их устранения руководство Минстроя направляет главам муниципального образования «Городской округ Махачкала» и внутригородских районов предписания, которые в большинстве случаев органами местного самоуправления надлежаще не рассматриваются. Застройщики, в свою очередь, осведомленные о допущенных нарушениях законов, вместо того чтобы приостановить строи-

* По материалам прокуратуры г. Махачкалы Республики Дагестан.

тельные работы и привести разрешительные документы в соответствие с требованиями действующих нормативных правовых актов, с удвоенной энергией, чуть ли не в круглосуточном режиме, осуществляют фактически незаконное строительство и, как правило, доводят его до завершающей стадии.

При этом должностные лица Минстроя, направив в органы прокуратуры информацию о ненадлежащем рассмотрении главами муниципальных образований их предписаний, полагают, что устранение выявленных ими нарушений законов должно обеспечиваться прокуратурой. Обращение их внимания на необходимость безотлагательной реализации всех предоставленных законом полномочий по привлечению правонарушителей к установленной законом ответственности зачастую воспринимается как нежелание органов прокуратуры принять меры реагирования.

Такое восприятие ситуации со стороны государственного контролирующего органа представляется ошибочным, ибо параллельное принятие прокуратурой тех же мер реагирования является дублированием, что сдерживает повышение эффективности деятельности органа государственного контроля.

В результате принятых на системной основе мер прокурорского реагирования удалось минимизировать количество необоснованно выдаваемых администрацией города разрешительных документов. Так, в первом полугодии 2018 г. по протестам прокурора отменено 57 разрешений в сфере градостроительства. Кроме того, из поступающих в прокуратуру жалоб следует, что суды признавали изданные должностными лицами администрации в рамках рассмотрения протестов и

представлений прокуроров приказы об отмене выданных разрешений незаконными.

На проведенном в апреле 2018 г. в прокуратуре города с участием представителей Минстроя и органов местного самоуправления межведомственном совещании было отмечено, что решение стоящих перед контрольно-надзорными, а также правоохранительными органами задач значительно упростится, если уполномоченным подразделением муниципального образования не будут выдаваться многочисленные разрешения в сфере градостроительства с существенными нарушениями действующего законодательства. Также было обращено внимание и.о. главы администрации г. Махачкалы на необходимость прекращения практики безотказной выдачи разрешений физическим лицам на строительство многоквартирных домов и различных коммерческих объектов. При этом было отмечено, что жалобы на действия должностных лиц муниципального образования на отказ в выдаче разрешительных документов на строительство фактически отсутствуют либо носят единичный характер, в то время как лицами, проживающими по соседству с объектами незаконного строительства, в массовом порядке обжалуются, в том числе и в судебных инстанциях, правомерность и обоснованность их выдачи.

Не менее серьезной проблемой как в прокурорской деятельности, так и в деятельности государственных органов контроля являются многочисленные факты неисполнения в течение длительного времени судебных решений о сносе незаконно возведенных в городе строений со ссылкой на отсутствие денежных средств, выделяемых для этих целей в централизованном порядке из федерального бюджета. Не исполне-

но ни одно судебное решение о сносе самовольно построенного жилого объекта за счет средств застройщика. Отдельные попытки в июне 2018 г. обеспечить исполнение судебных решений привели к протестным акциям со стороны лиц, которые приобрели жилье в подлежащих сносу многоквартирных домах.

В ходе надзорной деятельности установлены факты ненадлежащего исполнения судебными приставами возложенных на них законом обязанностей. Так, еще в 2015 г. в отношении двух судебных приставов, допустивших своим бездействием возведение еще нескольких этажей в период нахождения у них на исполнении решений судов о приостановлении строительных работ, в следственные органы для осуществления уголовного преследования в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направлены материалы по ч. 1 ст. 293 УК РФ. Несмотря на неоднократную отмену, в том числе и первым заместителем прокурора Республики Дагестан, принятых по ним процессуальных решений, уголовные дела в отношении приставов до сих пор не возбуждены.

В связи с этим представляется уместным отметить, что лишение прокурора полномочия по возбуждению уголовного дела прибавило к существующим ряд дополнительных проблем. Вынесение следственными органами и органами дознания, вопреки требованиям и другим актам реагирования прокуроров, многочисленных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, в отдельных случаях по одним и тем же материалам более десяти раз, является серьезной проблемой в обеспечении исполнения требований законодательства при производстве дополнительных проверок, которую невозможно искоренить мерами

прокурорского реагирования в рамках действующего процессуального законодательства.

Вынужденное вмешательство прокуратуры в сферу функций органов государственного контроля наблюдается и при обеспечении исполнения законодательства о лицензировании. В частности, прокуратурой города нередко выявляются факты реализации на автозаправочных станциях сжиженного газа без соответствующей лицензии. При этом территориальные органы Ростехнадзора надлежащие меры по обеспечению своевременного выявления таких правонарушителей и пресечению их незаконной деятельности не принимают, полагая, что в их полномочия входят только проверка соответствия предъявляемым законом требованиям представленных юридическими лицами либо индивидуальными предпринимателями документов и выдача лицензий.

Анализ судебной практики показывает, что с требованиями о приостановлении до получения лицензии незаконно осуществляемой коммерческой деятельности по реализации сжиженного газа, представляющей, как правило, серьезную угрозу жизни и здоровью широкого круга лиц, названные территориальные органы не обращаются. Такого рода бездействие можно объяснить снижением требовательности со стороны вышестоящего руководства к своим территориальным подразделениям.

Не обращаются в суд и территориальные органы Росреестра для обеспечения устранения в принуди-

тельном порядке выявленных ими нарушений законов в сфере землепользования в г. Махачкале, предлагая в каждом случае заниматься этим прокурорам.

Налоговые органы здесь также исходят из того, что соответствующие иски в суд в отношении физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без постановки на налоговый учет, должны направляться прокурорами.

Даже общество с ограниченной ответственностью в лице Черномортранснефти не предъявляло иски в суд о приостановлении строительства и сносе незаконно возводимых объектов в охранной зоне находящегося на его балансе магистрального нефтепровода, расположенного на территории муниципального образования «Городской округ Махачкала», до тех пор, пока суды не стали отказывать в принятии и рассмотрении исковых заявлений прокуроров со ссылкой на то, что именно хозяйствующий субъект в данном случае наделен полномочиями по оспариванию в суде самовольных действий застройщиков.

Конечно, на практике не допустить подмену или дублирование полномочий так, как это прописано в законе, нередко трудно, а порой и невозможно. Быть в курсе всех проводимых контролирующим органом проверок и принимаемых им мер при всем желании невозможно. Например, в случаях, когда по одному и тому же вопросу обращения одновременно направляются в различные ведомства. Юридический меха-

низм, исключающий в том или ином виде дублирование органами прокуратуры действий государственных органов, законодательством четко не регламентирован.

В прокурорской деятельности существует и много других проблем, связанных с искусственным переключением на прокуратуру мероприятий по фактическому устранению выявленных нарушений законов, хотя их устранение может быть обеспечено в рамках компетенции того или иного контролирующего органа.

Периодически в сфере регулирования государственного контроля появляются новшества, вносятся изменения в действующее законодательство, принимаются новые законы, отдельные из них признаются утратившими силу¹. Однако четкий механизм правовых препятствий, предотвращающий подмену и дублирование прокуратурой функций этих государственных органов, в этих новшествах отсутствует.

На наш взгляд, это объясняется и отсутствием урегулированного законодательством порядка, в соответствии с которым государственный или муниципальный контролирующий орган обязан добиваться устранения нарушений закона в сфере своей деятельности, привязывая оценку эффективности контроля к фактическому устранению выявленных нарушений закона.

По мнению Н.Д. Бут, полезным и необходимым является законодательное закрепление принципа эффективности осуществления государственного контроля с введением

¹ Как отмечает Н.Д. Бут, только в Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» по состоянию на 1 февраля 2018 г. более чем 60 раз вносились изменения. См. об этом: Бут Н.Д. Перспективы развития законодательства о контрольно-надзорной деятельности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2 (64). С. 24. ■ ² Там же. С. 26.

общих подходов к оценке его эффективности².

В связи с этим представляется, что именно принципы результативности и эффективности осуществления государственного контроля должны оказывать положительное воздействие на процесс обеспече-

ния фактического устранения выявленных нарушений закона.

Только законодательное закрепление за каждым контролирующим органом полномочий и обязанностей по фактическому устранению нарушений закона в сфере своей компетенции, в том числе и путем

обращения в суд, а также участия в исполнительном производстве по исполнению судебного решения в статусе взыскателя, способствует отграничению правомерного вмешательства прокурора от подмены функций органов государственного контроля. [ЮМ](#)

Литература

1. Бут Н.Д. Перспективы развития законодательства о контрольно-надзорной деятельности / Бут Н.Д. // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации . 2018. № 2 (64). С. 42–49.

Уважаемые коллеги!

19 апреля 2019 г. на кафедре предпринимательского, трудового и корпоративного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации состоится шестая международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом».

Издательская группа «Юрист» выступит информационным партнером конференции и традиционно представит свои издания участникам и гостям мероприятия.

В рамках работы конференции планируется обсуждение следующих вопросов:

1. Проблемы современного предпринимательского права в условиях развития правового государства;
2. Теоретические и практические проблемы корпоративного права и корпоративного управления;
3. Экологические аспекты территориального развития: экономика, политика, право;
4. Социально-трудовые отношения в бизнесе: проблемы правового регулирования.

Лучшие доклады будут опубликованы в ведущих журналах Издательской группы «Юрист».

Мероприятие пройдет в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ по адресу: 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 84.

Более подробную информацию можно получить на сайте Института права и национальной безопасности РАНХиГС: www.ilns.ranepa.ru

Право врачей на отказ от предоставления медицинских услуг по религиозным соображениям

После того как пациент и врач добровольно вступили в отношения лечения или медицинского ухода, их отношения могут быть, как правило, прекращены по взаимному согласию, если они не могут договориться о целях лечения, из-за личностных конфликтов, которые делают ситуацию неудобной или слишком сложной или потому, что определенные услуги больше не покрываются медицинской страховкой пациента.

При этом если пациент может в одностороннем порядке прекратить отношения «врач — пациент» по любой причине, то врачи такой гибкой возможностью не обладают и обязаны продолжать лечение пациента после начала лечения. Остается открытым вопрос, обладают ли врачи правом на отказ в проведении медицинского вмешательства или оказании помощи, считая ее противоречащей индивидуальным моральным, философским или религиозным устоям или противоречащей принципам, от которых человек не может отказаться.

При разрешении этого конфликта необходимо сбалансировать право врача на отказ от лечения и производства медицинской процедуры по религиозным соображениям с особой ответствен-

**Маркова
Елена Николаевна,**
научный сотрудник кафедры
конституционного
и муниципального права
Юридического факультета
Московского государственного
университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова
e_markova@law.msu.ru

Markova Elena N.
Research Scientist
of the Department of Constitutional
and Municipal Law of the Law Faculty
of the Lomonosov Moscow
State University (MSU)

ностью профессии медицинского работника и правом каждого пациента на своевременный доступ к медицинской помощи.

Но есть ли такое право воздерживаться от медицинской практики, не соответствующей религиозным взглядам, у врачей, дающих клятву Гиппократу? Или профессия накладывает определенные ограничения на свободу религии медицинского персонала?

Если люди не готовы предложить пациенту юридически разрешенную, эффективную и полезную помощь, потому что это противоречит их ценностям, должны ли они быть врачами? Могут ли врачи предоставлять частичные медицинские услуги или частично

выполнять свои обязательства по уходу за пациентами?

Так, Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) не всегда стремится найти вмешательство в право на выражение религиозных убеждений на практике или в виде обычаев там, где лицо добровольно заняло должность или взяло на себя роль, которая не соответствует такой практике или предписаниям. В делах, связанных с ограничениями, налагаемыми работодателями на возможность работников соблюдать религиозные практики, Европейская комиссия по правам человека пришла к выводу в ряде своих решений, что возможность уйти с работы и изменить место работы означала, что не имело места вмешательство в свободу религии работника¹. Заявитель по делу «Калач против Турции»² проиграл дело, потому что он, выбрав военную карьеру, по собственному желанию принял военную дисциплину, которая ввиду своего характера подразумевала возможность определенных ограничений определенных прав и свобод, и он имел возможность выполнять обычные обязанности в соответствии с мусульманской верой.

Таким образом, практика ЕСПЧ по делам, в которых граждане добровольно соглашались на работу, которая не предоставляла возмож-

¹См., например: Решение Комиссии от 3 декабря 1996 г. по делу «Континен против Финляндии»; «Решения и доклады 87-А». С. 68; Решение Комиссии от 9 апреля 1997 г. по делу «Стедман против Соединенного Королевства». См. подробнее: Обзор судебной практики Суда по вопросу свободы вероисповедания. Подготовлено Исследовательским отделом Европейского суда по правам человека. URL: <https://www.echr.coe.int> ■ ²Kalaç v Turkey. App. No. 1st July 1997. § 28–29.

ности выполнять религиозные обычаи, но где имелись иные доступные для них средства выполнения или соблюдения религиозных обычаев без чрезмерных трудностей или неудобств, сформировала подход, согласно которому при таких обстоятельствах не может быть вмешательства в свободу религии. Напротив, ограничение свободы религии имеет место, когда даже в случае увольнения и поиска альтернативного места работы или посещения другого образовательного учреждения, лица не имели возможности избежать требования, несовместимого с их религиозными убеждениями.

Следуя этой логике, врачи, отказывающиеся оперировать по религиозным соображениям, вряд ли найдут себе работу на аналогичной позиции в другом государственном медицинском учреждении³. Это не относится к частным религиозным медицинским центрам и больницам, которые имеют право подбирать сотрудников в соответствии с этическими позициями работодателя по чувствительным медицинским практикам. Так, в настоящее время можно найти множество примеров работы «религиозных больниц», и появляются врачи-терапевты, врачи-консультанты и даже психологи с

«религиозной приставкой» в названии своей должности⁴.

Право на отказ от проведения аборт. «Вечным» спором религии, медицины и права является момент начала жизни, поэтому религиозные убеждения могут особо «помешать» врачам, занимающимся репродуктивной медициной. Наиболее остро конфликт религии и медицины можно проиллюстрировать на проблеме отказа медицинских работников от процедуры прерывания беременности⁵.

Право врача на отказ от производства аборта закреплено в Декларации Всемирной медицинской ассоциации «О медицинских абортах», согласно которой в том случае, «если личные убеждения не позволяют врачу сделать медицинский аборт, он должен перепоручить пациента компетентному коллеге» (п. 6)⁶. Нельзя рассматривать разрешение со стороны государства отказываться врачам, им нанятым, от проведения абортов, как меру, обязательно поддерживающую взгляды медицинских работников, это скорее является проявлением толерантности.

Согласно Резолюции ПАСЕ «Право на возражение из соображений совести при предоставлении легальной медицинской помощи» № 1763 (2010) «ни одно лицо,

больница или учреждение не может быть принуждено, привлечено к ответственности или подвергнуто дискриминации каким бы то ни было образом в связи с отказом в проведении, размещении, оказании помощи или в связи с аборт, искусственным выкидышем или эвтаназией или любым действием, которое может привести к смерти человеческого плода или эмбриона по любой причине»⁷.

Парламентская Ассамблея подчеркнула необходимость подтверждения права на возражение по соображениям совести наряду с обязанностью государства обеспечивать своевременный доступ пациентов к законной медицинской помощи и выразила обеспокоенность тем, что неурегулирование отказа медицинских работников по соображениям совести может в непропорционально большой степени затрагивать женщин (особенно женщин с низким доходом или проживающих в сельских районах).

Учитывая, что государства-члены обязаны обеспечить доступ к легальной медицинской помощи и защищать право на здоровье, а также обеспечить соблюдение права на свободу мысли, совести и религии в области здравоохранения, ПАСЕ призывает государства — члены Совета Европы разра-

³ Можно встретить возражения, что врачи, не выполняющие какие-либо медицинские действия в соответствии со своей религией, никогда бы не закончили на практике медицинские университеты. Этот аргумент легко «отбивается» хотя бы напоминанием, что свобода вероисповедания включает в себя также право приобретать, менять и отказываться от своих религиозных убеждений. ■ ⁴ Православные медицинские центры и консультации возникают при храмах. См., например: Список обществ православных врачей. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/cpisok-obshhestv-pravoslavnyh-vrachej/>; Научная школа «Московская школа христианской психологии». URL: https://psy-rpu.ru/center_of_practical_psychology/zapis-na-psihologicheskuyu-konsultatsiyu; Оказание медицинских услуг, согласно нормам шариата, — явление новое и актуальное для современных мусульман России. В его основу положена реализация религиозных принципов: многие верующие часто отмечают, что в государственных и частных больницах не всегда считаются с религиозными требованиями верующих, возникают сложности при осмотрах пациентов врачами противоположного пола, лечении «нехалальными» препаратами и другое. См., подробнее: Медицинские услуги для мусульман: куда пойти лечиться? URL: https://www.info-islam.ru/publ/stati/khaljal/medicinskie_uslugi_dlja_musulman_kuda_pojti_lechitsja/7-1-0-42865 ■ ⁵ См., например: Преображенская Елена. Религиозные взгляды на контроль рождаемости. URL: <https://www.antiobscurantism.jimdo.com> ■ ⁶ Декларация относительно медицинского аборта. Принята 24-й Всемирной медицинской ассамблеей (Осло, Норвегия, август 1970 г.), внесены поправки 35-й Всемирной медицинской ассамблеей (Венеция, Италия, октябрь 1983 г.). ■ ⁷ Резолюция ПАСЕ «Право на возражение из соображений совести в рамках предоставления законной медицинской помощи» (Resolution 1763 (2010)). URL: <https://www.assembly.coe.int/nw/xml/News/FeaturesManager-View-EN.asp?ID=950>

ботать всеобъемлющие и четкие правила, определяющие и регулирующие добросовестное возращение в отношении здоровья и медицинского обслуживания, чтобы:

- гарантировать право на отказ медицинских работников по соображениям совести в связи с участием в соответствующей медицинской процедуре;

- обеспечить своевременное информирование пациентов о любых таких отказах по соображениям совести и направление их к другому медицинскому работнику;

- обеспечить, чтобы пациенты получали соответствующее лечение, особенно в экстренных случаях.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») закрепляет в целом принцип недопустимости отказа в оказании медицинской помощи (ст. 11), который подкреплен ст. 124 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за неоказание помощи больному.

Тем не менее в соответствии с п. 3 ст. 70 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» лечащий врач по согласованию с соответствующим должностным лицом (руководителем медицинской организации (подразделения медицинской организации) может отказаться от наблюдения за пациентом и его лечения, а также уведомить в письменной форме об отка-

зе от проведения искусственного прерывания беременности, если отказ непосредственно не угрожает жизни пациента и здоровью окружающих.

В случае отказа лечащего врача от наблюдения за пациентом и лечения пациента, а также в случае уведомления в письменной форме об отказе от проведения искусственного прерывания беременности должностное лицо (руководитель) медицинской организации (подразделения медицинской организации) должно организовать замену лечащего врача.

И хотя закон ни слова не говорит о причинах таких отказов лечащего врачей, пожалуй, самыми распространенными и конфликтующими с обязанностями врача являются религиозные или идеологические убеждения медицинского работника. Тем не менее остаются вопросы: могут ли быть иные причины отказа врача от лечения и нужно ли их раскрывать врачу в своем письменном уведомлении (в случае если руководство больницы требует указать свои религиозные предпочтения, можно говорить о вмешательстве в *forum internum* — внутренний аспект свободы религии)?

Закон предполагает, что врач должен уведомлять в письменной форме каждый раз, когда собирается воспользоваться своим правом на отказ. Кроме того, на практике такое уведомление возможно только при наличии других врачей, способных осуществлять лечение пациента или выполнить искусственное прерывание беременности. Такое регулирование принято в целях уважения, защиты и осу-

ществления интересов и прав лиц, обращающихся за юридической медицинской помощью. Но можно ли говорить в этом случае об уведомительном порядке реализации права? Представляется, что по факту это приводит к необходимости получить «одобрение» со стороны руководства и может привести к непониманию и даже конфликтам с коллегами.

С другой стороны, высказываются предложения наделить врачей неоспоримым правом раз и навсегда отказаться от проведения абортот по соображениям совести⁸.

Точные пределы права врача отказаться от лечения пациента по соображениям совести и религиозным убеждениям остаются неопределенными. Это, по крайней мере, частично объясняется скудостью соответствующих судебных решений. Признавая право врача сознательно возражать против выполнения определенной медицинской процедуры, законодатель оставляет нерегулируемым распространение этой практики, особенно в области охраны репродуктивного здоровья.

Во время своей Генеральной Ассамблеи в Рейкьявике в октябре 2018 г. Всемирная медицинская ассоциация приняла новое «Заявление о прерывании беременности по медицинским показаниям», в котором еще раз подчеркивалась относительность права врачей на отказ от проведения абортот: «Врачи имеют право на отказ от проведения абортот по соображениям совести, поэтому они могут отказаться от него, обеспечив непрерывность медицинского обслуживания квалифицированным коллегой. Во всех

⁸ С такой инициативой выступили в Общественной палате. Предложение поддержали в РПЦ, а в Госдуме заявили о необходимости его тщательной проработки. URL: <https://www.russian.rt.com/russia/article/462440-rossiya-aborty-vrachi-otkaz>

случаях врач должен выполнять те процедуры, необходимые для спасения жизни женщины и предотвращения серьезных травм ее здоровья.

Врачи должны сотрудничать с соответствующими учреждениями и органами власти для обеспечения того, чтобы ни одна женщина не пострадала из-за отсутствия медицинских услуг по прерыванию беременности»⁹.

Отказ по соображениям совести от евгенической пренатальной (дородовой) диагностики. Если отказ непосредственно участвовать в аборте признается в целом, то Европейский суд по правам человека еще не вынес решения об отказе по соображениям совести от евгенической пренатальной (дородовой) диагностики.

Так, испанский врач подал заявление в ЕСПЧ по поводу нарушения его права на свободу совести и вероисповедания. Заявитель всегда отказывался участвовать в абортах по соображениям совести. В 2008 г., когда в Андалусии была внедрена новая программа скрининга врожденных аномалий, ведущий отделением заставил его ежедневно проводить консультации по пренатальной диагностике. Тем не менее этот диагноз является первым шагом в процессе, который приводит при обнаружении болезни или порока развития к аборту, вызванному генетическим наследием или состоянием здоровья. Процедура требует двух врачей, чтобы поставить диагноз, а затем третьего, чтобы сделать аборт.

Связь между скринингом и абортом установлена как в законодательстве, так и на практике, поскольку 90% выявленных пораженных плода прерываются. Поскольку медицинская этика требует от врачей всегда действовать в соответствии со своей совестью, заявитель обратился в испанские суды с просьбой признать его право на отказ по соображениям совести, но безуспешно. Он отказывается не только участвовать в аборте даже на первом этапе процедуры, но и приступить к евгеническому отбору нерожденных детей¹⁰.

Религиозные возражения много медицинского персонала. Еще один нерешенный вопрос, который требует своего обсуждения в медицинском и юридическом сообществах, — это проблема религиозных возражений медсестер, акушерок и другого вспомогательного персонала больницы, которые до сих пор остаются практически «незамеченными» в судах.

Подобное дело с участием акушеров-координаторов уже было рассмотрено Верховным Судом Соединенного Королевства¹¹. Совет по вопросам здравоохранения Глазго подал апелляционную жалобу против двух координаторов в Южной больнице общего профиля, которые утверждали, что также имеют право на отказ по религиозным убеждениям в соответствии с Законом об абортах 1967 г. Функции в качестве координаторов родильного отделения означают, что они обеспечивают оперативное руководство акушерством в родиль-

ном отделении, «делегирование, контроль и поддержку сотрудников в оказании помощи пациентам, перенесших аборт», но при этом не требуется никакого непосредственного участия в фактической процедуре прекращения беременности.

Рассмотрев проблему интерпретации выражения «участвовать в лечении» в ст. 4(1) закона, суд пришел к выводу, что лечение в данном контексте следует рассматривать как деятельность, которая непосредственно привела к аборту. Участие означает участие, но не охватывает всех участников цепочки причинно-следственных связей. Поскольку акушерки-координаторы не принимали непосредственного участия в производстве аборт, они не попадали под действие ст. 4(1), и поэтому апелляция была отклонена. Таким образом, по решению суда право на отказ от участия в производстве аборт распространяется только на лиц, фактически принимающих участие в медицинском лечении. Напротив, это право не распространяется на лиц, выполняющих вспомогательные, административные и управленческие функции, которые могут быть связаны с процессом лечения пациентки при прерывании беременности.

Тем не менее с начала XXI в. процедура проведения аборт изменились. Теперь широкое распространение примерно после 14-й недели беременности процедура включает в себя индукцию родов, и часто акушерки являют-

⁹WMA Statement on Medically-Indicated Termination of Pregnancy. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-on-therapeutic-abortion/> ■ ¹⁰Defending the Right Not to Proceed to the Eugenic Selection of Unborn Children. URL: <https://www.eclj.org/conscientious-objection/defending-the-right-not-to-proceed-to-the-eugenic-selection-of-unborn-children-> ■ ¹¹Greater Glasgow Health Board (Appellant) v Doogan and another (Respondents). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2013-0124-judgment.pdf>. См. также: Jones Emma. Conscientious objections to Abortion: an Incomplete Answer? Case Note // Oxford Journal of Law and Religion. 2016. Vol. 5. No 1. P. 153–157.

ся основными поставщиками услуг во время родов. Таким образом, непосредственное предоставление услуг в связи с абортами касается медицинских работников, таких как акушерки и медсестры, а не только врачи. Кодекс этики Международной конфедерации акушеров четко поддерживает эту позицию, заявляя, что «акушерки могут принять решение не участвовать в деятельности, против которой они выступают с глубоким моральным сопротивлением»¹², хотя в нем не рассматривается вопрос о том, каким образом может быть обеспечен необходимый уход. И наоборот, последние рекомендации ВОЗ в отношении аборт¹³ не рассматривают этот вопрос вообще.

Так, в январе 2018 г. Администрация Президента США Д. Трампа объявила, что она расширяет защиту религиозной свободы на врачей, медсестер и других работников здравоохранения, которые возражают против выполнения таких процедур, как аборт и операция по смене пола. Новые шаги, которые включают в себя создание надзорного органа в рамках Департамента здравоохранения и социальных служб, называемого отделом совести и религиозной свободы, являются последними усилиями президента Д. Трампа по удовлетворению требований его

консервативных религиозных избирателей, но вызывают массовые протесты по всей стране¹⁴.

Отказ психотерапевтов и психологов консультировать пары, состоящие в нетрадиционных отношениях. В деле «Эвейда и другие против Соединенного Королевства»¹⁵ один из заявителей — МакФарлейн, будучи нанятым частной компанией, которая проводила политику, в соответствии с которой требовала от сотрудников предоставлять услуги равным образом гетеросексуальным и гомосексуальным парам, отказался взять на себя обязанность по осуществлению психосексуального консультирования гомосексуальных пар, что привело к проведению в отношении него дисциплинарного разбирательства. ЕСПЧ признал, что непосредственной причиной отказа господина МакФарлейна были его ортодоксальные христианские взгляды на брак и сексуальные взаимоотношения, и пришел к выводу, что его отказ осуществлять консультирование гомосексуальных пар представил собой выражение его религии и убеждений (п. 108).

Учитывая важность свободы религии в демократическом обществе, ЕСПЧ считает, что, когда индивид жалуется на ограничение свободы религии на рабочем ме-

сте и не считает, что возможность смены работы свела бы на нет вмешательство в право, лучшим подходом было бы оценить такую возможность в общем равновесии при рассмотрении вопроса о балансе в Соединенном Королевстве между правом на выражение религиозных убеждений и правами индивидов не подвергаться дискриминации на основе сексуальной ориентации, тем более что эти принципы прямо основаны на законе (на регламенте применения Закона 2007 г. о равенстве в отношении сексуальной ориентации).

Для Суда наиболее важным фактором, который должен быть принят во внимание, являлось то, выполнило ли государство указанное позитивное обязательство, и в частности обеспечивался ли справедливый баланс между конкурирующими интересами, поставленными на карту. Национальные власти обладают широкой свободой усмотрения в действиях, направленных на обеспечение справедливого равновесия между правом работодателей гарантировать соблюдение прав других лиц и правом заявителей проявлять свои религиозные убеждения. Сочтя, что справедливое равновесие было обеспечено, ЕСПЧ пришел к выводу, что не было нарушения свободы религии заявителя. [ЮМ](#)

References

1. Ahdar R. Religious Freedom in the Liberal State / R. Ahdar, I. Leigh. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2013. 528 p.
2. Jones E. Conscientious objections to Abortion: an Incomplete Answer? Case Note / E. Jones // Oxford Journal of Law and Religion. 2016. Vol. 5. Iss. 1. P. 153–157.

¹² International Confederation of Midwives. International code of ethics for midwives. 2014. URL: https://www.internationalmidwives.org/assets/uploads/documents/CoreDocuments/CD2008_001%20V2014%20ENG%20International%20Code%20of%20Ethics%20for%20Midwives.pdf ■ ¹³ World Health Organisation. Clinical practice handbook for safe abortion. Geneva. 2014. URL: https://www.apps.who.int/iris/bitstream/10665/97415/1/9789241548717_eng.pdf?ua=1 ■ ¹⁴ Trump Gives Health Workers New Religious Liberty Protections. URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/18/us/health-care-office-abortion-contraception.html> ■ ¹⁵ Eweida and others v. the United Kingdom Judgment of the European Court of Human Rights (Fourth Section), 15 January 2013 (Applications No 48420/10, 59842/10, 51671/10 and 36516/10). URL: <https://www.hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-115881>

» Гончаров В.В. Конституционно-правовой анализ национального уровня организации механизма общественного контроля в России

В работе проведен сравнительный анализ нормативно-правовых актов, способствующих организации и функционированию системы общественного контроля в России, дана их авторская классификация.

Это позволило провести анализ нормативно-правовых основ механизма общественного контроля в России, определив их место, роль и значимость в организации системы общественного контроля в нашей стране.

Ключевые слова: федеральный, региональный, муниципальный, законодательство, общественный контроль, Российская Федерация, конституционно-правовой анализ, народ, участие в управлении государственными делами, власть.

Goncharov V.V. A Constitutional Law Analysis of the National Level of Arrangement of the Public Control Mechanism in Russia

The paper presents a comparative analysis of legal acts that contribute to the organization and functioning of the system of public control in the Russian Federation, their author's classification.

This made it possible to analyze the regulatory framework of the public control mechanism in the Russian Federation, determining their place, role and importance in the organization of the public control system in our country.

Keywords: federal, regional, municipal, legislation, public control, the Russian Federation, constitutional and legal analysis, people, participation in the management of public affairs, power.

» Долгих Ф.И. Влияние требований к минимальной численности членов политических партий на количество политических партий в России и характер партийной системы

В статье изучается воздействие изменений в законодательстве на число политических партий в России и партийную систему. Определяется, каким образом установленные законом требования, предъявляемые к минимальной численности членов политических партий, повлияли на количество политических партий. На основе изучения данных о количестве зарегистрированных и ежегодно регистрируемых политических партий в России за 2004–2018 гг. анализируется динамика изменений. Отмечается, что данные изменения в то же время не оказывают существенного воздействия на характер партийной системы России.

Делается вывод о существовании зависимости между требованиями, предъявляемыми к численности политических партий, количеством зарегистрированных политических партий и отсутствием корреляции между последним показателем и ростом числа партий, реально влияющих на политическую систему. Отмечается, что увеличение числа зарегистрированных начиная с 2012 г. политических партий не оказало существенного воздействия на характер сложившейся в России партийной системы.

Ключевые слова: политические партии, минимальная численность членов, партийная система, Государственная Дума.

Dolgikh F.I. The Influence of Requirements for the Minimum Number of Political Party Members on the Number of Political Parties in Russia and the Party System Structure

The article examines the impact of changes in legislation on the number of political parties in Russia and the party system. It is determined how the legal requirements for the minimum number of members of political parties have affected the number of political parties. Based on the study of data on the number of registered and annually registered political parties in Russia for 2004–2018, the dynamics of changes is analyzed. It is noted that these changes at the same time do not have a significant impact on the nature of the party system in Russia.

The conclusion about the existence of dependencies between the requirements for the number of political parties, and the number of registered political parties, and the lack of correlation between the latter parameter and the growth in the number of parties with real influence on the political system. It is noted that the increase in the number of political parties registered since 2012 did not have a significant impact on the nature of the party system in Russia.

Keywords: political parties, the minimum number of members, the party system, the State Duma.

» Кирьянов А.Ю. Субъекты негосударственного контроля: правовые основания классификации

В представленной статье автор продолжает анализировать феномен негосударственного контроля и предлагает рассмотреть правовые основания классификации субъектов негосударственного контроля. В статье предлагается выделить в качестве одного из основных субъектов негосударственного контроля гражданское общество как обобщающую субъектность представителей народа категории.

Ключевые слова: народ, гражданское общество, негосударственный контроль, гражданин, индивид.

Kiryanov A.Yu. Non-State Control Subjects: Legal Bases of Classification

In the presented article, the author continues to analyze the phenomenon of non-state control and proposes to consider the legal basis for the classification of subjects of non-state control.

The article proposes to single out civil society as one of the main subjects of non-state control, as a category that generalizes the subjectivity of the people's representatives.

Keywords: *people, civil society, non-state control, citizen, individual.*

» Ананьева Е.О. Проблема правового положения электронных денег в Российской Федерации

Автор анализирует основы правового регулирования электронных средств платежа в Российской Федерации. Рассматривает правовые основы использования электронных средств платежа. Указывает на необходимость внесения изменений в гражданское законодательство, а также предлагает пути решения выявленных проблем, связанных с появлением криптовалют.

Ключевые слова: *электронные деньги, информационная система, денежные средства, национальная платежная система.*

Ananyeva E.O. The Issue of the Legal Position of E-Money in the Russian Federation

The author analyzes the basics of legal regulation of electronic means of payment in the Russian Federation. Examines the legal framework for the use of electronic means of payment. Indicates the need for changes in civil law, and also suggests ways to solve the identified problems associated with the emergence of cryptocurrencies.

Keywords: *electronic money, information system, cash, national payment system.*

» Герасимова О.А. Выход из общества с ограниченной ответственностью участника, состоящего в браке

В статье рассматривается вопрос о необходимости получения нотариально удостоверенного согласия супруга при реализации другим супругом, являющимся участником общества с ограниченной ответственностью, права на выход из общества в том случае, если доля в уставном капитале является общим имуществом супругов. Обосновывается вывод о том, что получение такого согласия обязательно в связи с тем, что заявление о выходе из общества с ограниченной ответственностью является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов. А поскольку в соответствии с законодательством такое заявление должно быть нотариально удостоверено, а права на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц, то необходимо нотариально удостоверенное согласие супруга на выход супруга — участника общества с ограниченной ответственностью из общества.

Ключевые слова: общее имущество супругов, доля в уставном капитале, выход участника из общества с ограниченной ответственностью, односторонняя сделка, нотариально удостоверенное согласие супруга на заключение сделки.

Gerasimova O.A. Withdrawal of a Married Member from a Limited Liability Company

The article discusses the need to obtain the notarized consent of the spouse in the implementation of another spouse who is a member of the limited liability company, the right to withdraw from the company if the share in the authorized capital is the common property of the spouses. The conclusion that obtaining such consent is obligatory in connection with the fact that the application for withdrawal from a limited liability company is a transaction on the order of common property of spouses is proved. And since, in accordance with the legislation, such an application must be notarized, and the rights to share in the authorized capital of the limited liability company are subject to state registration in the Unified state register of legal entities, it is necessary to have a notarized consent of the spouse to the exit of the spouse of the limited liability company from the company.

Keywords: common property of spouses, share in the authorized capital, exit of the participant from the limited liability company, unilateral transaction, notarized consent of the spouse to the conclusion of the transaction.

» Захаренко Д.С. Договоры подряда и возмездного оказания услуг: сравнительно-правовой аспект

В статье предпринята попытка с учетом классических учений и современных позиций отграничить понятия «работа» и «услуга» как объекты гражданских прав, а также разграничить договоры подряда и возмездного оказания услуг с целью выбора субъектами гражданского права надлежащего вида договора для оформления правоотношений с контрагентами. Используя обозначенные в настоящей статье критерии, стороны смогут выбрать для себя наиболее корректную модель договора и впоследствии избежать переквалификации договора судом.

Ключевые слова: работа, услуга, подряд, оказание услуг, квалификация договора.

Zakharenko D.S. Contractor and Paid Service Agreements: A Comparative Law Aspect

The author according to classical and modern researches made an attempt to differentiate the law-terms of contracts and services as objects of civil rights, as well as to discriminate the contracts of work and rendering of service in order for contracting parties would be able to choose the right type of contract. A correct choice founded on offered characteristics will help the contractors to avoid the re-qualification of the contract by the court.

Keywords: work, service, contract of work, rendering of service, qualification of an agreement.

» Курдюков С.И. Современные угрозы экономической безопасности

Современная трансформация миропорядка видоизменяет экономическое, правовое и политическое содержание цивилизованного общества. Данный процесс протекает в разрезе появления новых угроз для цивилизации, в том числе и в области экономического развития. Эффективная апробация новых, ранее не известных противоправных форм посягательств на экономическую безопасность требует незамедлительного реагирования. В Российской Федерации рассматриваемое в статье направление, имеющее достаточное нормативно-правовое обеспечение, выступает в качестве приоритетного в области обеспечения в целом национальной безопасности государства. В связи с этим на основе изучения процессов, протекающих в национальной и мировой экономике, а также национальной нормативной правовой базы в исследуемой области представлена авторская позиция о современном состоянии обеспечения экономической безопасности России и ее основных угрозах.

Ключевые слова: безопасность, экономическая безопасность, обеспечение, государство, противодействие, угроза.

Kurdyukov S.I. Modern Threats to Economic Security

The current transformation of the world order changes the economic, legal and political content of the civilized society. This process takes place against the background of origination of new threats to the civilization including in the economic development sphere. Effective approbation of new, earlier unknown illegal forms of infringement on the economic security requires an immediate reaction. The area reviewed in the article has sufficient statutory framework in the Russian Federation and acts as a priority one in the general assurance of the national security of the state. In this respect, the publication presents the author's view of the modern status of assurance of the economic security of Russia and the main threats to it based on a study of processes taking place in the national and world economy as well as the national statutory base in the sphere under consideration.

Keywords: security, economic security, assurance, state, countering, threat.

» Латынин О.А. Методологические основания дефиниции правоограничений в российском гражданском праве

Постулаты общей теории права, конституционный принцип верховенства права, а также его реализация в российской судебной доктрине верховенства права определены в качестве главных элементов методологической платформы, которая способна обеспечить дальнейшее практикоориентированное исследование правоограничений, направленное в конечном итоге на усовершенствование правосудия по гражданским делам. Автором предложена дефиниция понятия правоограничений в российском гражданском праве.

Ключевые слова: правоограничения, российское гражданское право, дефиниция, методология.

Latynin O.A. Methodological Bases of Definition of Limitation of Rights in the Russian Civil Law

The postulates of the general theory of law, the constitutional principle of the rule of law, as well as its implementation in the Russian judicial doctrine of the rule of law are identified as the main elements of the methodological platform that can provide further practice-oriented research of legal restrictions aimed ultimately at improving justice in civil cases. The author proposed a definition of the concept of legal restrictions in Russian civil law.

Keywords: legal restrictions, civil law, definition, methodology.

» Рожкова А.Ю. Проблемы правозащитной деятельности уполномоченным в отношении индивидуального предпринимательства

В статье акцентировано внимание на выявлении противоречий правозащитной деятельности в достижении принципа доверия и социального результата институтом Уполномоченного по защите прав индивидуальных предпринимателей. Выделены свойства правообеспечения и правозащитных мер. Уточнена категория «правозащитная деятельность», выраженная комплексом правообеспечительных и правозащитных мер. Выявлена проблема ограниченного исполнения полномочий правозащитной деятельности институтом Уполномоченного. Указан императив взаимной корреляции правообеспечительных и правозащитных мер в отношении индивидуального предпринимательства, в том числе восстановления прав компенсационного свойства. Предложены рекомендации актуализации защитных полномочий Уполномоченного и приоритета правозащитной деятельности в отношении индивидуальных предпринимателей в силу их социально-экономической значимости в регионе, а также недостаточной правовой грамотности и правового нигилизма.

Ключевые слова: институт Уполномоченного, правозащитная деятельность, индивидуальное предпринимательство, правообеспечительные и правозащитные меры.

Rozhkova A.Yu. Issues of Law Enforcement Activities of an Authorized Person in Respect of an Individual Enterprise

The article focuses attention to reveal the contradictions of entrepreneur right activities to achieve the principle of trust and social result Institute of Ombudsman to protect the rights of individual entrepreneurs. The properties have been described ensure the rights and entrepreneur rights measures. The category «advocacy» is described, which is expressed complex enforcement and remedial measures. The questions has been identified, that the powers of the entrepreneur rights activities of the Institute of Ombudsman are restricted execution. The imperative has been identified correlations enforcement and remedial measures against individual entrepreneurship, including compensatory rights properties. By author proposed the recommendations the mainstreaming of protective powers of the Ombudsman and the priority of entrepreneur rights activities in relation to individual entrepreneurs, due to their socio-economic importance in the region, as well as insufficient legal literacy and legal nihilism.

Keywords: the Ombudsman, human rights activities, individual entrepreneurship, the right to guarantee and entrepreneur rights measures.

» **Бондаренко Л.К. Этика юристов в контексте морали современного общества**

Раскрывается проблема морально-нравственного содержания профессиональной этики юристов. Анализируются актуальные аспекты мировоззрения современных юристов. Обращается внимание на связь профессиональных кодексов с явлениями общественной жизни и с политикой государства. В связи с этим приводятся примеры из общественной практики. Доказывается, что профессиональная этика юристов имеет актуальный и действенный характер. Тем самым подчеркивается необходимость соблюдения морально-этических норм, закрепленных в профессиональных кодексах юристов.

Ключевые слова: профессиональная этика юристов, морально-нравственные нормы, мораль и право.

Bondarenko L.K. Ethics of Lawyers within the Framework of Morality of the Modern Society

The problem of moral content of professional ethics of lawyers is revealed. The actual aspects of modern lawyers' worldview are analyzed. Attention is drawn to the relationship of professional codes with the phenomena of public life and the policy of the state. In this regard, examples from public practice are given. It is prove, that the professional ethics of lawyers is relevant and effective. Thus, the need to comply with the moral and ethical standards enshrined in the professional codes of lawyers is emphasize.

Keywords: professional ethics of lawyers, moral norms, morality and law.

» **Ефремов А.А. Правовые ограничения цифровизации научной деятельности**

В статье рассмотрены проблемные вопросы выявления правовых и организационных барьеров для цифровизации науки.

На основе анализа ключевых стратегических документов в сфере научно-технологического развития и формирования цифровой экономики обоснован вывод о фрагментарности положений о выявлении данных барьеров в сфере науки. Представлена авторская методика их выявления, включающая определение базовых понятий, шагов и зон поиска исследования, требований к его результатам. Главной особенностью данной методики является ее ориентация на выявление правовых и организационных барьеров цифровизации не только научно-исследовательской деятельности, но и жизненного цикла научной организации в целом.

В ходе проведенного на основе данной методики анализа выявлены и систематизированы ключевые правовые и организационные барьеры цифровизации для отрасли науки, обоснован

вывод о том, что в настоящее время сохраняется значительное число барьеров не только для цифровизации, но и для первичной информатизации в данной сфере.

Обоснованы предложения по совершенствованию стратегического планирования и правового регулирования, направленных на устранение выявленных барьеров и формирование правовых условий для цифровизации и в перспективе цифровой трансформации отрасли науки.

Ключевые слова: информационные технологии, наука, правовое регулирование, цифровая трансформация, цифровизация.

Efremov A.A. Legal Limitations of Digitization of Scientific Activities

The article is devoted to the consideration of problematic issues of identifying legal and organizational barriers to the digitalization of science.

Based on the analysis of key strategic documents in the field of scientific and technological development and the formation of a digital economy, a conclusion was substantiated about the fragmentation of provisions on the identification of these barriers in the field of science. The author presents the method of identifying them, including the definition of basic definitions, steps and areas of research search, requirements for its results. The main feature of this methodology is its focus on identifying legal and organizational barriers to digitalization not only of research activities, but also of the life cycle of a scientific organization as a whole.

In the course of the analysis based on this methodology, key legal and organizational barriers of digitalization for the branch of science were identified and systematized, and it was concluded that a significant number of barriers remain not only for digitalization, but also for primary informatization in this area.

Substantiated proposals for the improvement of strategic planning and legal regulation, aimed at eliminating the identified barriers and the formation of legal conditions for digitalization and, in the long term, the digital transformation of the field of science.

Keywords: information technologies, science, legal regulation, digital transformation, digitalization.

» Магомедов М.А. Причины и механизм подмены прокуратурой функций органов государственного контроля

В статье на материалах практики прокуратуры города Махачкалы по осуществлению надзора за исполнением законов в сфере градостроительства, лицензирования и некоторых других сферах показана неэффективность деятельности органов государственного контроля, в связи с чем прокуратура вынуждена тратить значительную часть своих сил и средств для обеспечения законности, в том числе делая то, что должны делать эти органы. Обосновывается, что проблема может быть решена путем предоставления органам государственного контроля полномочий на принятие мер по фактическому устранению выявленных в сфере своей деятельности нарушений законов и возложения на них ответственности за это.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, исполнение законов, законность, орган, государственный контроль, градостроительство, лицензирование, налоги, служба, судебные приставы, полномочия, суд, исковое заявление, исполнительное производство, взыскатель, должник.

Magomedov M.A. Reasons and Mechanism of Substitution of State Control Authorities with the Prosecutor's Office

The article on the materials of the practice of the Prosecutor's office of Makhachkala to oversee the implementation of laws in the field of urban planning, licensing and some other areas shows the ineffectiveness of the state control bodies, in connection with which the Prosecutor's office is forced to spend a significant part of its forces and means to ensure the rule of law, including doing what these bodies should do. It is proved that the problem can be solved by providing the state control authorities with the authority to take measures to actually eliminate violations of the laws revealed in the sphere of their activities and to make them responsible for it.

Keyword: Prosecutor's office, supervision, execution of laws, legality, body, state control, town planning, licensing, taxes, service, bailiffs, powers, court, statement of claim, enforcement proceedings, claimant, debtor.

» Маркова Е.Н. Право врачей на отказ от предоставления медицинских услуг по религиозным соображениям

Статья посвящена проблеме регулирования и реализации права врачей на отказ от предоставления медицинских услуг по религиозным соображениям. Автор проводит последовательный анализ конфликта между правом врача на отказ от лечения и производства медицинской процедуры в соответствии со своими религиозными убеждениями, с особой ответственностью профессии медицинского работника и правом каждого пациента на своевременный доступ к медицинской помощи.

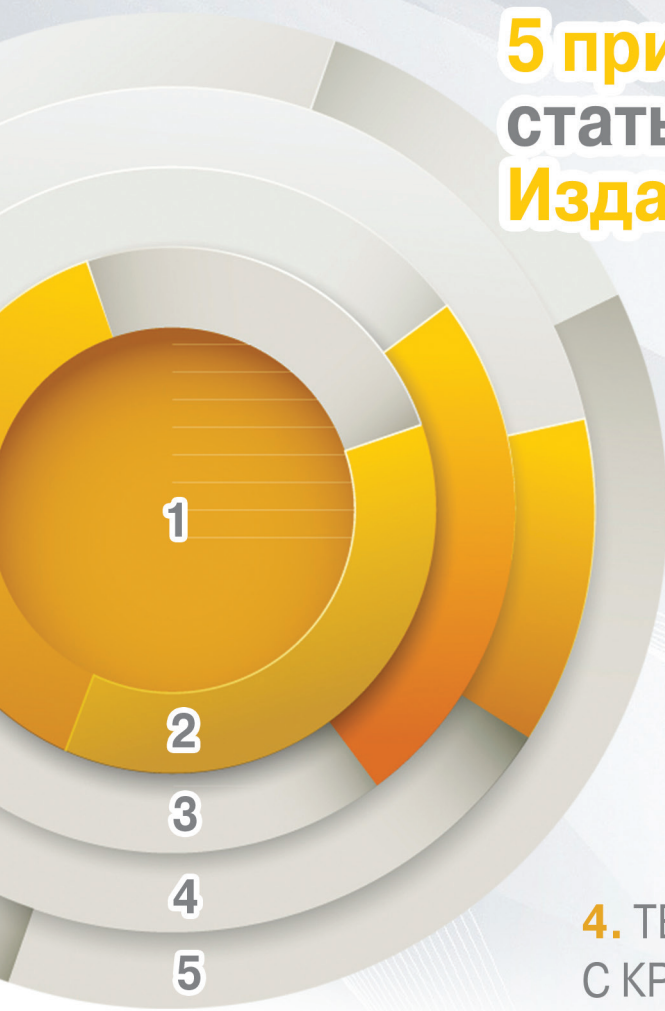
Ключевые слова: право врача на отказ от лечения, свобода совести и вероисповедания, право на доступ к медицинской помощи, религиозные убеждения, аборт, евгеническая пренатальная диагностика, медицинские работники.

Markova E.N. The Doctors' Right to Refuse from Medical Service Rendering on Religious Grounds

The article is devoted to the problem of regulation and implementation of the doctor's right of conscious objection to provide medical services for religious reasons. The author carries out a consistent analysis of the conflict between the right of a doctor to refuse treatment and medical procedure in accordance with his religious beliefs, the special responsibility of the medical professionals and the right of every patient to timely access to medical care.

Keywords: doctor's right of conscious objection, freedom of conscience and religion, right to access to medical care, religious beliefs, abortion, eugenic prenatal diagnosis, medical workers.

5 причин стать автором Издательской группы «Юрист»

1. ВЫСКАЗАТЬ СВОЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ
И ПОДЕЛИТЬСЯ С КОЛЛЕГАМИ

2. ПОВЫСИТЬ СВОЙ ИНДЕКС ХИРША

3. ПОВЫСИТЬ УЗНАВАЕМОСТЬ
В ЮРИДИЧЕСКОМ МИРЕ

4. ТЕСНО ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ
С КРУПНЕЙШИМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ ЮРИСТОВ

5. СТАТЬ АВТОРОМ АВТОРИТЕТНОГО ИЗДАНИЯ,
КОТОРОЕ ЧИТАЮТ ТЫСЯЧИ ПОДПИСЧИКОВ

Задать вопросы
и получить информацию можно
по телефону: 8 (495) 953-91-08
или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

юрист
издательская группа

